

БОГИ КАК ЛЮДИ

победитель
остаётся один

яна ткачёва

KompasFantasy

Яна Ткачёва

Победитель остается один

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445

Ткачёва Я. Э.

Победитель остается один / Я. Э. Ткачёва — ИД "КомпасГид",
2023 — (KompasFantasy)

ISBN 978-5-00083-901-0

«Победитель остается один» – завершающая часть дилогии «Боги как люди» Яны Ткачёвой. Автор переплетает мифы и верования разных народов, создавая уникальное полотно вселенной, через которое красной нитью проходят темы смерти, любви и предательства. За великим противостоянием богов читатель наблюдает глазами героев из разных миров. Улла собирает армию, способную обращаться в волков. Мария ищет Петруса, чтобы отомстить за смерть Иешуа. Каллен и Мара больше не могут нести службу и просят Велеса остановиться. Но для него это невозможно – армия союзников велика, и он готов вести их в финальный бой. Но что задумал Перун? Почему он преследует смертную девушку, убивая её вновь и вновь? Кто одержит верх? Сможет ли Велес воссоединиться с любимой? Удастся ли героям достичь мира или это уже невозможно?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-00083-901-0

© Ткачёва Я. Э., 2023
© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

I		7
	1	7
	2	9
	3	13
	4	15
	5	18
	6	21
	7	25
	8	30
	9	34
II		37
	1	37
	2	40
	3	43
	4	47
	Конец ознакомительного фрагмента.	49

Яна Ткачёва
Победитель остается один

Автор обложки Наталья Динер

© Ткачёва Я. Э., текст, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

I

Истинное зло

1

858 год от Сотворения Столпов

Молочное плотное пространство небытия разрезает вспышка света, и три фигуры показываются в этом неприятном неуютном месте. Они идут рядом, но между ними явно чувствуется отчуждение.

Красивый рыжеволосый мужчина – бог, объявленный павшим, – и две его жертвы. Первая – едва уловимо похожая на него, словно между ними есть кровное родство, златовласая красавица с тонким станом, но с пустым безразличным ликом, и вторая – изуродованная до неузнаваемости калекка. Но не увечье делает ее безобразной, а маска ненависти, исказившая лицо.

– Я с места не сдвинусь, прихвостень Верховного, – шипит уродливая женщина. На удивление, она ненамного старше своей прекрасной спутницы, но злоба превращает ее в каргу.

– Как невежливо, Юстрица, – насмешливо тянет рыжеволосый. – Я лишь выполняю волю Верховного. Все мы верные слуги твоего отца и должны служить ему.

– Он мне не отец! – почти кричит та, которую назвали Юстрицей. – Весь этот суд был фарсом. Не знаю как, но вы обвели нас вокруг пальца!

Златовласая никак не участвует в споре, лишь смотрит перед собой, покорная судьбе.

– Как скажешь, – пренебрежительно отзывается бог. – Ты меня порядком утомила.

– Тогда делай свое дело, – презрительно цедит Юстрица, и рыжеволосый небрежно взмахивает рукой.

Клубящиеся щупальца тьмы вырываются из его пальцев и устремляются к Юстрице. Она не кричит, но полный предсмертного ужаса взгляд сдержать не в силах. Страшная рука тьмы впивается в горло женщины, и та лишь беспомощно хватается ртом воздух, пока в ее глазах меркнет жизнь. Спустя несколько напряженных мгновений, наполненных лишь судорожными звуками удущья, все заканчивается. Златовласая красавица никак не реагирует на смерть в шаге от нее; бог же скучающе приподнимает брови, когда тело Юстрицы падает с глухим стуком – словно не в белесый туман проваливается, а бьется о твердую землю. Несколько секунд ничего не происходит, а после молочная белизна затягивает Юстрицу, жадно поглотив ее тело.

– Хочешь что-то сказать напоследок, Жара? – рыжеволосый оборачивается к оставшейся девушке.

Златовласая вздрагивает от своего имени, на секунду встречается взглядом с зелеными глазами своего палача и прикрывает веки. Бог, поднимая ладонь, чтобы призвать смертоносные щупальца, смотрит на свою жертву спокойно и ясно. Без злорадства, но и без привязанности. Ощущая скорый конец, Жара вскидывает руки и накрывает ладонями живот, будто защищаясь. Рыжеволосый бог замирает, глаза его расширяются, и во взгляде впервые мелькает что-то похожее на боль.

– Ты... – бог силится задать вопрос, но голос изменяет ему. Наконец он хрипло давит из себя слова: – Ты ждешь дитя?

– Птенцов, – впервые подает голос Жара, не открывая глаз.

Рыжеволосый опускает руку, словно не может решить, что делать дальше. Те, кто хорошо его знает, – а таких не слишком много – подивились бы сейчас состраданию, мелькнувшему на лице мужчины. А вот боль, исказившую черты рыжеволосого бога, они без труда узнали бы.

– Я могу спасти тебя, – шепчет бог, словно против воли.

– Спасти? – эхом повторяет Жара.

– Ради птенцов, – поспешно уточняет рыжеволосый, будто бы оправдываясь.

Жара распахивает глаза, и во взгляде ее загорается надежда. Эмоции делают ее прежде безучастное лицо живым и почти нестерпимо красивым. Рыжеволосый бог вмиг понимает, отчего несчастный следопыт потерял голову и так бездарно умер, убитый остальными девоптицами.

– Но ты сослужишь мне службу, – голос бога приобретает деловые нотки.

– Если мои девочки будут жить, – в голосе Жары слышится страсть, что присуща материнскому отчаянию, – я буду служить тебе верой и правдой до последнего вздоха.

– Почему ты уверена, что будут девочки? – вдруг спрашивает рыжеволосый. – Возможно, ты ждешь... сына.

– Райские птицы потому и девоптицы, – ровно отвечает Жара. – У нас не бывает... мужских особей.

– Любопытно, – произносит бог, и на мгновение на его лице мелькает странное выражение, будто он продумывает, как бы применить эти сведения с пользой.

Девушка равнодушно молчит, и рыжеволосый, тяжело вздохнув, вновь подает голос.

– Я переправлю тебя на остров в другом мире, – говорит бог и, не дождавшись никакой реакции, добавляет: – Ты не удивлена...

– Мне все равно, где быть.

– В мире Империи все не так, как в Яви, – продолжает бог, хмыкнув. – Ты будешь жить уединенно и следить за своим отцом.

– Мой отец мертв, – ровным голосом отвечает Жара.

– Ты знаешь, о ком я... – угрожающе молвит рыжеволосый. – Не играй со мной.

– Я лишь сказала, что мой настоящий отец был казнен вместе с моей матерью, – замечает Жара. – Верховный Бог мне абсолютно безразличен, и я готова служить тебе. Он должен ответить за свои преступления. Моих родителей использовали и подставили, превратив в предателей.

Рыжеволосый еле заметно морщится, но быстро берет себя в руки, кивая.

– Мы договорились, – он протягивает руку, а Жара поспешно обхватывает его ладонь. Ступок тьмы обвивается спиралью вокруг них, словно скрепляя договор. – Ты должна быть осторожной в Империи, – бормочет рыжеволосый бог, приготовившись перенести их обоих в реальный мир. – Никто не должен знать о тебе... и птенцах.

– Я что-нибудь придумаю, – воркует Жара. К ней будто бы вернулась жизнь: глаза горят ярким огнем.

– Отправимся к Столпам, а после – сразу в Империю, – в голосе бога слышатся приказные нотки, он привык повелевать. – Я все расскажу по пути.

Белесое пространство небытия выталкивает их, и больше здесь никого нет.

2

524 год эпохи Каменных драккаров

В детстве мы чаще радуемся жизни, задаем много вопросов, но почти ничему не удивляемся. Большую часть событий воспринимаем как приключение, не думая, что в наш маленький мир может пробраться зло или порок. Так было и со мной.

Меня интересовало все вокруг, но совершенно не заботило то, что я не знал своих родителей. Единственным взрослым, которого я видел, пока не подрос и не отправился в ученичество, был немой старик. Лишь позже я узнал, что это Старый бог, отец Верховного и глава клана Путешественников. Я рос с такими же, как я, мальчишками, в общей зале с рядом одинаковых кроватей, общей уборной и учебным классом. Мы всё делали по расписанию. Принимали пищу, учили языки и даже играли. Забавы строго карались, а любые капризы порицались. Но я был счастлив и не чувствовал себя обделенным.

Только через несколько лет мне предстояло узнать, что бывает другая жизнь. Что не все дети растут вот так, лишённые материнского тепла, любящей, но твердой руки отца, игр со сверстниками и беззаботности. И лишь те, кому не посчастливилось родиться старшим близнецом, присоединялись к нам. К клану Путешественников.

Мы отрекались от семьи, не могли продолжаться в детях, должны были хранить тайны мироздания и служить богам в их стремлении удержать власть над людьми. Могли жить бесконечно долго, словно боги, но нас можно было убить, как и обычных людей.

Но прямо сейчас я не чувствовал важности своей миссии. Я не думал, что приближен к богам и что в моей жизни было хоть что-то хорошее. В это мгновение я трясся от страха у Столпов Священного драккара и не знал, в какую сторону идти к Храму Жрецов. Мой наставник, хмурый и вечно злой Бартоломеус, с которым я учился науке Путешественников уже целый год, предавался увеселениям с Верховным Жрецом, а меня отправил за дополнительной порцией браги. И если путь до кладовых я нашел, то обратная дорога превратилась в страшное испытание.

Как ни вглядывался я в темноту ночи, но разглядеть огни Храма не мог. Бушевал шторм, и на Священном драккаре, который был самым маленьким в нашем мире, холодные злые волны долетали до самых Столпов. Я так и ждал, что меня вот-вот смоеет с поверхности земли в суровое ледяное море. Мне даже казалось, что Священный драккар качался на волнах, хотя умом я понимал: это невозможно. Я знал, как устроен наш мир.

Страх был постыдным чувством для моего народа. Но проблема заключалась в том, что я боялся многого и довольно часто. И стыдился самого себя. Скользя ладонями по каменной поверхности одного из Столпов – полностью обхватить его не получалось, словно передо мной было самое толстое дерево во всех мирах, – я старался удержаться на ногах под порывами ветра. Страх заставил меня зажмуриться крепко-накрепко, и я пытался прочитать короткую молитву на всех языках, что знал. Хотя бы умру на святой земле.

– Вот это буря разыгралась, не правда ли? – услышал я громоподобный голос и поспешно отдернул руки от святыни, расправил плечи и широко раскрыл глаза. Не хватало еще, чтобы меня поймали трясущимся как заяц.

Передо мной, прямо в центре Столпов, возвышался мужчина, и мне показалось, что тело его чуть видно сияло. Он был одет до нелепого легко, словно суровая погода ему не страшна. Но кое в чем он от меня не отличался: мокрый насквозь, длинные белые волосы облепили голову, а борода свисала с подбородка будто бы плетью. Резкие сильные порывы ветра не пугали незнакомца. Он крепко стоял на земле, широко расставив ноги, а в руке сжимал... Разрази меня гром!

Я упал на колени и ткнулся лбом в землю. Мне явился Верховный Бог. И кто его знает, счастливая ли это встреча. Правитель миров был суров нравом, об этом нам неустанно повторяли наставники.

– Полно, мой мальчик, – пророкотал Верховный. – Поднимайся.

Мне оставалось лишь послушно распрямиться, но с колен встать я так и не решился. Лишь во все глаза рассматривал бога передо мной. Что делал Верховный в такую погоду в Мидгарде? Я уже знал, что есть миры куда гостеприимнее нашего. И, будь моя воля, моя нога никогда бы не ступала на каменные драккары во время штормов.

– Ты ученик? – спокойно спросил Верховный, гроза будто бы стихла, а потому его голос казался очень громким. И я усиленно закивал. – Разве ритуал отсечения языка проводят так рано? – бог усмехнулся.

– Не... нет, мо... мой повелитель, – заикаясь, ответил я. Прозвучало как бляенье овцы. Никогда не стать мне достойным представителем клана.

– Отчего же ты словно проглотил его? – гаркнул бог и засмеялся во всю мощь легких. Камень драккара подо мной заходил ходуном, зато теперь я точно уверился, что гроза и правда стихла.

Как только Верховный прекратил смеяться, воцарилась полная тишина. Я был уверен, что слышу, как квакают лягушки на соседнем драккаре. Небо стало ясным, засияли звезды и полная луна. Порывы ветра больше не хлестали меня по лицу, только легкий ветерок ласкал щеки, как нежное прикосновение крыльев бабочек из мира Империи.

В Мидгарде редко случались такие тихие моменты. Моменты, когда мир наполняла красота. Я одернул себя. Бартоломеус очень часто на языке жестов звал меня Неженка Матти. Потому что в прошлом году я рассказал ему о своих наблюдениях за природой. Сейчас, когда мне уже целых восемь сезонов, я был бы осторожнее, держал бы язык за зубами. Но тогда я был слишком поражен путешествием по мирам, а потому позволил себе лишние восторги. Бартоломеус никогда больше не давал мне забыть об этой небольшой слабости, так как в прошлом сезоне я уже и ребенком не считался. Путешественник вообще не может быть ребенком, только служителем. Даже ученик. Любые детские шалости, искажения речи и забавы наказывались строго. Обычно к четырем сезонам ученики становились неулыбчивыми, настроженными и сосредоточенными. Такими и хотели видеть нас боги.

Из мыслей меня вырвал уже невеселый оклик бога.

– А ты, часом, не блаженный? – участливо поинтересовался Верховный. – Неужто тебя заставляют служить в клане, а ноша тебе не по плечу?

– Нет-нет, повелитель, – зачастил я. Слишком хорошо знал, *что* делают с теми, кто не в силах нести службу. – Я лишь оробел от вашего величия.

– Э, как заговорил, – хохотнул бог. – Да ты словоплет.

Такого выражения я пока не знал, а потому лишь потупил взгляд, не зная, благодарить за похвалу или смиряться с оскорблением.

– Рад, что ты крепок умом, малыш, – Верховный понизил голос до шепота. – Потому что мы встретились сегодня не случайно.

– Не случайно? – испуганно спросил я. За нами следили? Я провалил какой-то экзамен?

– Да, – продолжил бог, словно не замечая моего замешательства. – Тебя мне послала судьба.

Я не нашелся с ответом, но, кажется, этого и не требовалось. Верховный подошел ко мне и уселся на влажную землю спиной к Столпу, за который я недавно цеплялся. Бог вел себя как простой смертный.

– Присядь, мой мальчик, – он шлепнул по мокрому камню, и я поспешно сел. – Я уже стар, и нести бремя пророчества одному почти невмочь.

– Пророчества? – просипел я. Не слышал ни о каком пророчестве.

– Что ты знаешь о сотворении миров, малыш? – внезапно спросил бог.

– Мир был большим и бескрайним столетия назад, – затараторил я слова из Великой Книги, которые каждый учил наизусть. – Но брат бога грома... то есть... то есть ваш брат возжелал власти и решил обманом заполучить ее. Коварство темного бога вскрылось, и завязалась Война богов. Бог тьмы сотворил страшное заклятие, которое убило почти всех людей и разрушило мир. Великий и милостивый бог... вы... сотворили Столпы и соединили уцелевшие осколки мира между собой. Люди не знают о разных мирах, лишь боги и Путешественники.

– Все верно, ты прилежный ученик, – похвалил меня Верховный. – Но было еще кое-что. Этого не знает ни одна живая душа, кроме меня. И я хочу рассказать это тебе.

Я задохнулся от выпавшей мне чести. Вот, вот он передо мной, Верховный Бог! Поделится тайной!

– Когда темный бог сотворил страшное заклятие, – повелитель понизил голос до шепота, и мне пришлось наклониться ближе, чтобы все расслышать, – то призвал в миры разрушительную сущность.

– Какую? – пискнул я. И от ужаса и – одновременно – предвкушения мой голос действительно походил на писк.

– О мой мальчик, – грустно продолжил бог. – Это и есть самая страшная часть всей истории. Сущность выглядит как обычный ребенок. Девочка.

Я глупо хлопал глазами. Девочка? Как это может быть? За всю свою жизнь я не часто видел девчонок. Их наряжали в тонкие красивые одежды, они были ужасно изнежены и только и могли, что капризно заявлять: «Папа, я хочу эту диковинку!» или «Мамочка, мне срочно это нужно!». Поэтому мнения о девочках я был невысокого: они не годились на роль страшного соперника.

– Девчонок легко победить, – от пренебрежения я даже забыл благоговеть перед собеседником.

– Ты прав, но есть другая проблема, – тяжело вздохнул Верховный. – Они всегда выглядят безобидно и просят о пощаде. Выглядит так, словно ты убиваешь ни в чем не повинного ребенка. И лишь ты знаешь, что спасаешь миры от страшной угрозы. Понимаешь?

И я понял его. Я, маленький ничтожный слуга, понял Верховного Бога! Потому что я вспомнил Сигмаса, который спал на соседней койке в нашей спальне. Он был гнилым мальчишкой, но при наставниках и Старом боге, возглавлявшем наш клан, менялся. Становился ласковым и услужливым, притворялся добрым и заботливым. Но стоило взрослым отвернуться, Сигмас делал гадость или даже подлость. А обвиняли в ней кого-то другого. Однажды даже дошло до беды. Это случилось в позапрошлом сезоне. Я точно не знал подробностей, потому что все произошло, когда я был в Империи с Бартоломеусом, а когда вернулся, два моих товарища были мертвы. Сигмас рассказал, что один погиб, избитый до смерти. А второго казнили за жестокость и отнятую жизнь. Сигмас выглядел невинным и скорбящим, но я знал, кто главный заводила в компании мальчишек. Без ведома Сигмаса не делалось вообще ничего. Я был уверен, что казнили невинного, я видел подтверждение этому в лживой скорби Сигмаса, в его жестоких ухмылках, пока никто не смотрит. Но с тех самых пор он был куда осторожнее, выбирая жертву для издевательств, не допускал больше смертей. Я прогнал воспоминание, не желая думать о Сигмаса. Вместо этого я поспешил ответить Верховному:

– Я понимаю, о чем вы говорите, повелитель.

– Понимаешь? – удивился бог. – Ты слишком умен для своих лет, вот что я тебе скажу. Многие не поняли меня и решили, что я делаю плохое дело. Поэтому теперь мне приходится держать свою миссию в тайне. Но я так устал нести это бремя в одиночестве.

– Может... – пробормотал я и, пока не пропала смелость, выпалил: – Может, я смогу помочь вам, Верховный?

– Правда? – обрадовался бог, но потом сразу сник. – Нет-нет, это слишком тяжелая ноша...

– Но я смогу! Мне эта ноша по силам, повелитель!

Казалось, что моя горячность может передаваться по воздуху, так жарко я пытался убедить Верховного в своей способности. Мне слишком хотелось быть причастным к чему-то великому. Каким глупым мальчишкой я был!

– Ты так думаешь? – бог всматривался в мое лицо, словно искал доказательства, которые помогут решить, принять мою помощь или отклонить. – Если ты поможешь мне, то я одарю тебя, как никого другого из своих подданных.

– Но мне ничего не нужно, Верховный! – честно заверил я.

– Думаю, все же тебе понравятся мои дары и привилегии, – усмехнулся бог. – Я дам тебе первое задание, которое потребует от тебя того, что детям обычно не свойственно.

– И что же? – с придыханием спросил я.

Я даже не расстроился, что повелитель назвал меня ребенком, которым я уже и не считался, и не был. Все мое внимание поглотили мечты о путешествиях по мирам с Верховным Богом, я представлял, как мы вместе выслеживаем коварную маленькую девчонку с лицом Сигмаса и предаем ее богомерзкое тело смерти.

– Тебе потребуется терпение, – тихо сказал Верховный. – Я хочу, чтобы ближайшие годы ты впитывал все знания и умения, которые могут понадобиться. И почаще бегал за брагой для своего наставника Бартоломеуса.

Я совсем не понял, как это связано с нашей великой миссией, и едва не застонал от разочарования. Но, казалось, Верховный терпеливо ждал моего ответа, а потому я заставил себя почтенно кивнуть.

– Это важное задание, мой мальчик, – заметил Верховный, и я понял, что он распознал мое недоумение от простоты задачи. Не так-то просто обмануть бога. – Только кажется, что оно никак не поможет в нашей борьбе. Выполняй его старательно и честно, и будешь вознагражден.

Я закивал с бóльшим пылом, а Верховный поднялся, потрепал меня по голове и направился в центр Столпов. Я знал, что сейчас бог покинет меня и неизвестно когда посетит вновь.

Радужное сияние портала уже мерцало между Столпами, но Верховный внезапно обернулся ко мне и спросил:

– Как тебя зовут, ученик?

– Маттеус! – крикнул я вслед закручивающимся вихрям энергии, но бог уже растворялся в мерцании портала, и я не был уверен, что меня услышали.

Я остался в полном одиночестве среди Столпов Священного драккара. Могло показаться, что встреча с Верховным Богом привиделась мне со страху, но черное бархатное небо, очистившееся от грозových туч, ярко мерцающие звезды и еле уловимый гул от Столпов сказали мне, что все было взаправду.

Дорогу к Храму Жрецов я нашел без труда. Правда, перед этим вернулся в кладовые и взял еще две дополнительные бутылки браги.

3

531 год эпохи Каменных драккаров

Я не видел Верховного следующие семь сезонов. Не знаю, что помогло мне поддерживать веру в то, что та далекая ночь не вымысел. Возможно, одиночество. А быть может, желание быть не таким, как все. Во мне было мало смирения со своей судьбой. Я ненавидел безликость Путешественников. Попробуй поставить нас, учеников, в ряд – одного от другого не отличишь. Все лысые, в наглухо застегнутых дорожных плащах. Просто маленькие копии наставников. Только язык пока что на месте. И это заставляло меня ненавидеть свой клан еще больше.

В ученичестве магической меткой молчания с нами делился наставник. Она никому не была видна, но жгла горло, стоило только захотеть сказать что-то о мирах. Язык сохраняли, чтобы легче было постигать наречия всех народов и науки. Наставник же должен был всегда быть рядом и следить, как мы ведем себя на людях. Не болтаем ли лишнего. При переходе из ученичества каждый Путешественник получал свою метку от Старого бога, а язык отсекали. Так было не всегда. Некоторые Путешественники, пресытившись слишком долгой жизнью и служением, пытались уйти из клана и продать знания о мирах, чтобы заработать на жизнь. Даже с магической печатью хитростью и обходными путями можно было рассказать многое. Теперь за эту слабость расплачиваются все.

Мне, правда, до получения собственной метки далеко, я еще долго буду на побегушках у пьяницы Бартоломеуса. Но я боялся, снова боялся. Как это – жить не только с магической печатью неразглашения, но и совсем без возможности говорить? Только скудный жестовый язык. Наверное, именно тогда я узнаю новые глубины одиночества.

Хотя не все из нас были одиночками. В закрытом мужском сообществе случались союзы. Дружеские и не только. Об этом было не принято говорить (какая ирония!), но все об этом знали. Но у меня не получилось подружиться ни с одним сверстником. Поэтому при любом удобном случае я проводил у Столпов в каждом из миров столько времени, сколько мог, ожидая Верховного. Иногда мне удавалось схватить краем глаза еле заметное радужное сияние. Значит, кто-то использовал Столпы как портал. Порой приходилось спешно и скрытно сбегать, чтобы меня не застали Жрецы. Но в остальном я не встречал ни единой живой души в своих бдениях у мировых святынь.

Я уже было отчаялся, когда в ночь смены сезонов Столпы Священного драккара, у которых я провел уже несколько часов, замерцали и налились насыщенным сиянием всех цветов. Когда Верховный Бог возник будто ниоткуда во плоти, я обрадованно вскрикнул. Все же я оставался сущим мальчишкой. Повелитель был таким, каким я его и помнил. Не изменился ни на миг. Я благоговейно упал на колени, но лицо к земле не склонял.

– Маттеус, мальчик мой! – удивленно воскликнул Верховный, а внутри меня разлилась теплой волной радость.

Он помнит мое имя!

Повелитель сделал шаг в мою сторону и, схватив за плечи, поднял с колен. Я опешил, когда бог заключил меня в объятия и похлопал по спине.

– Как ты вырос, – по-отечески засмеялся Верховный. – Неужто столько лет прошло...

Я растерялся. Он забыл о времени, но помнил мое имя? Это было странно.

– Ах, прости старика, – спохватился бог. – Для нас время всегда бежит чуть по-другому.

– Понимаю, повелитель, – я постарался, чтобы голос звучал ровно, достойно помощника Верховного Бога, хотя на самом деле не понимал. Время есть время, как оно может течь иначе?

– Как хорошо, что ты был здесь, – повелитель выглядел воодушевленным. – Не пришлось искать тебя по всему остро... драккару.

Я заметил, что он хотел назвать Священный драккар островом. Меня кольнуло раздражение. Если я, всего лишь мальчишка, мог запомнить особенности миров, то он – бог, который правит ими уже очень давно, – и подавно. Да, наш мир островной, мы не неучи и понимаем это. Однако традиционно острова называются драккарами, и это важная особенность Мидгарда. Я сразу же одернул себя, погасив раздражение. *Это Верховный Бог!* Наверное, одновременно он думает о стольких вещах, что небольшие оговорки случаются. Тем более что он сразу же поправился. Мне стало стыдно за свое внутреннее брюзжание, а потому следующие мои слова прозвучали чрезмерно пылко:

– Я всегда готов услужить вам, повелитель!

– Мне радостно слышать, что ты верный человек, Маттеус, – пророкотал бог. – Много ли браги пьет твой наставник?

– Теперь он держится на месте Путешественника только с моей помощью, повелитель, – ответил я. – Почти всю работу выполняю сам, а Бартоломеус лишь прохлаждается в питейных заведениях.

– Это нам на руку, Маттеус, – кивнул Верховный. – Наша миссия должна оставаться в тайне. И лишние вопросы, куда ты исчезаешь временами, были бы ни к чему.

– Куда я исчезаю? – мне была непонятна последняя фраза.

– Да, мой мальчик, – торжественно проговорил повелитель. – Сегодня начинается твоя миссия спасителя миров. Я научу тебя всему, что знаю и умею, хоть эта ноша тяжела и неприятна.

– Мы дадим бой сущности? – внутри меня все задрожало в предвкушении. Спаситель миров. Мне нравилось, как это звучало. Я стану героем!

– Пока что нам предстоит найти, в какой из миров чудовище явилось в этот раз, – вздохнул бог. – А потом, конечно, мы непременно дадим ему бой. Хотя это слишком громкие слова. Ты готов отправиться в путь?

– Да! Да, я готов! – мне показалось, что голос прозвучал слишком громко и напористо, но Верховный лишь добродушно усмехнулся, а я подумал, что наконец-то у меня появился настоящий наставник. Тот, кто будет опекать меня, направлять и оберегать. Я больше не буду одиноким!

4

531 год эпохи Каменных драккаров

Впервые я увидел сущность в тот же сезон. Наша первая охота длилась не слишком долго. Мы нашли ее в мире Яви, и я, хоть и ждал увидеть девчонку, все равно опешил. Ей едва сравнялось четыре сезона. И у нее не было ехидного выражения лица Сигмаса. Она вообще не была похожа на моего вероломного соседа по общей спальне. Она была маленькой, пухлой, и на голове вились светлые кудряшки. Как может что-то темное и злое выглядеть настолько невинно?

Я тяжело сглотнул. Мы искали ее три луны, и сейчас было не время сомневаться. Но я сомневался. Верховный Бог предупреждал меня о силе сущности. Она умела притупить внимание, вызвать жалость и сострадание. Но все эти уловки были направлены лишь на то, чтобы выжить, войти в пору и уничтожить миры. Нам нельзя этого допустить, говорил повелитель. Не зря я тащил эту ношу лишь на своих плечах столько лет, твердил он. Если для тебя это слишком сложно, то я пойму, шептал Верховный.

Но я не собирался сдаваться хитрой силе сущности в первом же бою. Хотя на бой это никак не тянуло. Мы были в городских садах Дидили, таясь за густым кустарником и наблюдая, как сущность роется в песочнице. Она была на игровой площадке с другими детьми. Неподалеку на скамейках сидели матери. Следили за своими чадами и вели приятные беседы, которые иногда прерывались смехом.

А в песочнице проходило негласное соревнование. Сущность и мальчик примерно такого же возраста лепили терема, которые служат жилищами в Яви. В моем мире не было подобных забав для детей, потому что весь песок был привезен Путешественниками и стоил очень дорого. Я точно не знал, для чего мы постоянно таскаем песок в Мидгард, но мы привозили его на драккар Фрейи каждую луну. Удивительно, что здесь, в мире Яви, песок считался настолько ненужным, что им позволяли играть детям.

У обеих малышей – и у мальчишки, и у сущности – были специальные формочки и ведро с водой. Чтобы проще было создавать терема из песка.

Сначала девочка, точнее сущность, опережала друга, но потом вдруг остановилась, окинула строгим взглядом оба песочных творения и без промедления разрушила свое одним махом. Глаза мальчика в ужасе расширились, и сущность показала ему язык, а потом они оба засмеялись. Это было до того озорно, до того человечно, что внутри меня сжалось что-то, живот прихватило от страха.

– Тебе жаль ее? – раздался над ухом голос Верховного Бога, и я вздрогнул. Совсем забыл, что не один.

– Я... нет, повелитель, – я постарался звучать уверенно, но даже мне были слышны неуверенность и страх в своем собственном голосе.

– Знаю, что жаль, – участливо пробормотал бог. – И мне было. Сущность коварна. Это ее способы выживания на то время, пока она беззащитна и не обладает силами. Смотри...

Верховный Бог поднял руку, и время начало замедляться. Все словно погрузилось в кисель, который так любят пить жители этого мира, а после и вовсе застыло. Люди замерли на середине движения, подброшенный мальчиком песок завис в воздухе, как поток песчинок, который словно никогда не сможет упасть на землю. Я тоже застыл – в удивлении. Все помнят, что Верховный повелевает громом и молнией, но порою забывают, что ему подвластно все сущее. Именно это делает его главенствующим из богов. И сейчас он замедлил течение времени.

Свободно двигаться могли только мы двое. И... пухлая светловолосая девочка.

– Видишь: она не человек, – прошептал Верховный. – Она умеет задурить тебе голову, словно опасаться нечего. Но на самом деле сейчас мы с тобой смотрим на самое опасное существо во всех мирах. Пойдем, мальчик мой, нельзя медлить.

Повелитель шагнул на детскую площадку, я торопливо последовал за ним. Слишком быстро – или же мне так казалось из-за застывших людей – Верховный схватил под мышки начавшую сопротивляться сущность и, накинув ей на голову подготовленный заранее мешок, пошел в противоположную от подлеска сторону.

– Это обязательно? – взволнованно спросил я, догоняя Верховного. – Она еще ребенок, не думаю, что запомнит...

– Поверь, мы делаем доброе дело, – ответил бог на ходу. – И лучше, если она не увидит ничего.

Я нахмурился, не понимая. Если сущность должна быть уничтожена, то почему важно, чтобы она знала как можно меньше? Неужели она сохраняет память о прошлых жизнях? Я напомнил себе спросить об этом Верховного, когда все будет кончено.

Мы следовали к Столпам тайными тропами, избегая городов и поселений. Повелитель усыпил сущность, и она лишь иногда беспокойно металась на моих или его руках. Нести ее было тяжело, я был еще юнцом, а потому Верховный соорудил мне специальную переноску из тряпки.

– Что будет, если мы встретим кого-то в пути? – спрашивал бог день за днем.

Кажется, наша слабая природа – моя и сущности – утомляла его. Мы не могли перемещаться с помощью магии на длинные расстояния, иначе сразу же мучились тошнотой, обмороками и животом, поэтому Верховный решил путешествовать пешком. Я чувствовал его нетерпение и был благодарен за великодушие, а потому старался угодить богу во всем и послушно затараторил:

– Мы паломники, которые направляются к Столпам. Вы – мой отец, а она, – я указал на мирно сопящую под боком сущность, – моя младшая сестра. Она больна, и мы идем просить у богов исцеления для малышки.

– Хорошо, – удовлетворенно кивал бог. – Ты просто молодец, найти лучшего помощника я и не мечтал.

Я раздувался от гордости после этих слов. Похвала заглушала боль от тонкой острой иглы беспокойства, которая нет-нет да и колола меня в самое сердце. Особенно в те моменты, когда я кормил сущность, полусонную. Смешивал в бутылке молоко, которое мы покупали в поселениях на пути, и сонные травы и совал соску в приоткрытый беззащитный детский рот, когда она начинала хныкать. Она сразу же успокаивалась и доверчиво цеплялась за мой большой палец, глядя осоловелыми глазами. Благодаря травам она снова засыпала, и повелитель снова хвалил меня. А беспокойство и любые вопросы стихали до следующего раза.

Когда мы наконец прибыли к Столпам, я совершенно вымотался от этих противоречивых эмоций и передал сущность в руки Верховного с превеликим удовольствием. Я хотел, чтобы все закончилось. Мечтал избавиться от этой девчонки.

– Дальше мы должны разделиться, Маттеус, – сказал бог, принимая у меня ношу.

Я чуть не вскрикнул от радости. Мне не придется видеть, как она умирает. Но тут же я одернул себя и испугался. Сущность пустила свои шупальца мне в душу.

– Вы не доверяете мне, повелитель? – прошептал я, боясь смотреть на Верховного.

– Я полностью верю тебе, мой мальчик, – бог прикоснулся к моему подбородку указательным пальцем и развернул мое лицо так, что мне пришлось посмотреть в его серебристые глаза. – Но ты еще не готов к главному. Пока я только учу тебя.

Мне ничего не оставалось, как закивать. Я был счастлив и разочарован одновременно. Меня страшило убийство, но еще больше пугало то, что я вообще не способен бороться с сущностью. Что я слаб. Она ведь всего лишь спала на моих руках несколько дней. А если она

была бы старше и заговорила бы со мной, склоняла бы на свою сторону? Сдался бы? Пошел у нее на поводу? Достоин ли я этой миссии?

Меня раздирали вопросы и сомнения в себе, а Верховный Бог уже скрылся в радужном свете портала с сущностью на руках. Я не знал, куда он ее унес и как именно ей случится умереть в этот раз. Я понимал, что он делал это не одну сотню лет, и сочувствовал повелителю. Наша теперь уже общая тайна действительно была тяжелой ношей, но не такой, как я представлял себе все эти годы. Не было никаких сражений и риска для жизни. Только лишь лавина сомнений и страха. Чувствовал ли Верховный то же самое? Я думал, что да.

5

541–836 годы эпохи Каменных драккаров

Смерть сущности предстала передо мной в ту луну, когда мне сравнялось двадцать шесть сезонов. В Мидгарде вообще мало кто знал день своего рождения, даже с сезоном можно было ошибиться. Особенно если рождаешься близко к Ночи Обновления. Поэтому сложно было определить свой возраст. Но я точно знал, в какую луну сезона появился. Я выспрашивал у Старого бога в детстве, и он припомнил, когда родители принесли меня в клан. Мне едва сравнялась седмица, потому рассчитать момент появления на свет не составило труда. И вот в четвертую луну начала моего двадцать седьмого сезона я узрел смерть своими глазами.

Сущность была гораздо старше, чем я видел до этого. Мы долго искали ее, потому что она непостижимым для меня образом ускользнула от нас, будучи ребенком. Обычно Верховный Бог точно знал, в каком из миров появится сущность в следующий раз, но природу этого знания так и не открыл мне. Предыдущая сущность умирала, и ровно через девять лун после этого в одном из четырех миров являлась на свет следующая. Обычно мы изучали родовые грамоты нужного периода. Детей всегда было не слишком много в подходящее нам время. Повелитель объяснял это тем, что сущность забирала все энергетические потоки мира и в тот день многие младенцы и матери умирали в родах. Мы искали всех детей и проводили нехитрую проверку, как в самый первый раз в саду мира Яви. Это всегда срабатывало, ни единой осечки.

Но в этот раз что-то пошло не так. Верховный не знал, в каком из миров появилась сущность. Это случилось впервые, но далеко не в последний раз. Повелитель говорил, что порой сущности удается обхитрить даже его. В такие моменты мне становилось особенно страшно и я с особой горячностью погружался в нашу миссию. Если сущность может обмануть самый сильный разум во Вселенной, то что же это за коварное чудовище такое?

Мы исследовали вдоль и поперек Явь, Мидгард и Новое Царство все последние десять сезонов, но сущности нигде не было. С удивлением Верховный признал, что, возможно, на этот раз сущность явилась в мире Империи. Это было странно: до этого она там не появлялась. Я полагал, оттого, что Империя была любимым миром Верховного (это никогда не произошло вслух, но догадаться было несложно). Чудовище слишком боялось Главного Бога и избегало дорогого для него места, но почему-то не в этот раз.

Мы нашли ее уже почти вошедшей в пору. И она сопротивлялась. О-о-о, на самом деле она готовилась к встрече с нами. И я осознал, почему важно находить сущность ребенком.

Она скрывалась еще два года, а когда мы наконец загнали ее в угол на небольшом судне в теплых водах Империи, она дала нам бой. Конечно, ее человеческая оболочка была слаба. Не вошла еще в полную силу, поэтому победили мы ее без особого труда. Точнее, сразил повелитель, я лишь принял на себя управление лодчонкой, но отчетливо слышал, как она ругалась на имперском наречии, пытаясь противостоять Верховному Богу. И когда трезубец пропорол ей живот, я не выдержал и обернулся на миг.

Острые зубья пригвоздили ее к деревянной палубе. Повелитель возвышался над телом сущности, но выглядело это не как победа добра над злом. Показалось, что лицо его исказила чудовищная гримаса злорадства. Сущность же на последнем издыхании со свистящим звуком вобрала воздух в грудь и плюнула кровавым сгустком прямо в лицо богу. Умирая, она выдавила нежным голосом, в котором слышались слезы:

– Поверь мне... когда *он*... узнает... тебе...

Но договорить ей не хватило сил, она затихла на полуслове, смотря застывшим взглядом в голубое небо. Слезы, скатившиеся по ее щекам, упали на стертые доски и запрыгали по деревянной палубе, переливаясь разными оттенками. Я поспешно отвернулся, но этот образ

словно выжгли на внутренней стороне моих закрытых век. Сущность не выглядела опасной. Она казалась... беззащитной.

– Ох-хо-хо, – простонал Верховный, и, обернувшись, я увидел, как он тяжело оседает на палубу. – В этот раз пришлось непросто. Теперь ты видишь, мой мальчик, почему нельзя тянуть с уничтожением сущности.

– Да, повелитель, – я ответил чуть поспешнее, чем следовало. – Она становится тем опаснее, чем дольше живет.

– Ты совершенно прав, мой мальчик, – проговорил Верховный у меня за спиной, когда я снова вернулся к управлению судном. – Но это тяжело в любом случае, независимо от возраста сущности.

Мы молчали некоторое время. Почему-то я был рад тому, что мне не нужно смотреть в глаза Верховному Богу прямо сейчас. Я размышлял и с каждой новой мыслью и сомнением укреплялся в вере, что мы делаем правое дело. Я – человек, что видел несколько проявлений сущности, знает о ее коварстве и всех способах, которыми можно сыграть на жалости, – раз за разом, хоть и на мгновение, попадался на уловки чудовища. Что уж говорить о неподготовленных людях. Повелитель был совершенно прав, что начал готовить меня с детства и вел к этой миссии постепенно. Так я мог сохранять здравомыслие, отслеживать все свои сомнения и возвращаться на верную дорогу. Такое под силу лишь человеку, который сталкивается с сущностью годами и учится противостоять ей раз за разом.

Но стоило Верховному отвлечься, как я наклонился и подобрал кристаллы, в которые обратились слезы сущности. Даже самому себе мне сложно было объяснить, для чего. Но с тех самых пор, если приходилось видеть, как умирает сущность, я брал ее слезы. Перед смертью она плакала всегда. Вновь и вновь я обещал себе, что смогу удержаться и не трогать их. Но каждый раз меня ждал провал.

Стыд и чувство вины за свою слабость были так сильны, что я проникся святой верой в порочную силу сущности и принялся исполнять свой долг с небывалым до этого рвением. Повелитель был доволен мной. Я постигал новые способы выслеживания, без усталости разыскивал претендентов на роль сущности, быстро улавливал ритм жизни родителей и самой сущности, чтобы поймать самый удачный момент для уничтожения. Повелитель иногда стал отправлять меня на мелкие задания в одиночестве. Но убивать я не мог, был не готов. Верховный не давил, повторяя десятилетие за десятилетием, что отнять жизнь – даже у такого страшного существа – не так-то просто. И я почувствую, когда буду готов.

Больше всего меня смущала даже не смерть сущности как таковая, а нередкие сопутствующие жертвы. Мы старались, чтобы никто не пострадал. Но некоторые родители, особенно матери, были слишком привязаны к сущности. Верховный убивал их лишь в крайнем случае, когда им удавалось пробиться сквозь замедленное время. Это случалось нечасто, но случалось.

– Видишь, сущность слишком глубоко пустила когти в душу несчастной, – с горечью говорил повелитель в таких случаях.

Он собственноручно закрывал глаза убитых и рыл могилу. Он хоронил их ритуально, бормоча слова, природа которых была мне неизвестна. И на месте погребения всегда расцветало дерево. Я понимал, что в любой войне погибают невинные, но сама мысль о том, чтобы убить кого-то, кроме сущности, вызывала во мне ужас. Возможность такого исхода парализовала меня, но Верховный ценил меня за другие качества, а потому не настаивал на том, чтобы я поднимал меч.

Моя благодарность повелителю росла, как и страх перед коварством сущности. Кажется, что в какой-то момент – в какой, не могу точно вспомнить, – я перестал задумываться вовсе. Перестал видеть за родителями сущности отдельных живых людей, а сущность и вовсе не воспринимал как человека. Они все превратились просто в списки из родовых грамот, которые мне нужно было изучать, найти претендентов и отсмотреть на предмет схожести с нужными

мне показателями. Дальше я передавал то, что удалось узнать, Верховному Богу и забывал до следующего раза.

Годы шли, сливаясь в десятилетия и даже столетия. Хоть и я стал полноценным членом клана, мне удалось избежать ритуала отсечения языка и своей собственной печати молчания. Повелитель помог мне с этим, применив магию. Неоспоримые плюсы быть на посылках у Верховного Бога. Мой бывший наставник Бартоломеус был давно убит в пьяной драке в одном из питейных заведений Империи. Узнав об этом, я лишь удивился тому, как можно было так бездарно упустить шанс жить долгие и долгие годы. Однако печать наставника больше не жгла меня, освободив, и я быстро забыл о нем.

Но на исходе второго столетия я все чаще вспоминал Бартоломеуса. Кажется, я начал понимать его. Дни смазывались, похожие один на другой. Поиск – слежка – донесение Верховному – небольшой перерыв. И заново. И заново. День за днем, год за годом. Я пристрастился к имперскому вину и меду, который пару десятилетий назад появился в Мидгарде и Яви. У меня не сложилось дружбы ни с кем из своего клана, к женщинам я был скорее равнодушен, а новые люди вызывали у меня лишь приступы тошноты. Иногда я вспоминал себя в детстве – мальчишку, который был влюблен в природу и боялся признаться в этом даже самому себе. Но, пройдя леса, пустыни, горы и моря всех четырех миров, я понял, что больше не вижу волшебства в звездах, не слышу песни в шуме листьев, а от моря меня и вовсе мутит.

Я заподозрил, что долгая жизнь Путешественников является не привилегией, а еще одним способом держать нас подальше от остальных. Иногда в поисках сущности я встречал людей и даже общался с ними (конечно, изображая немого). В их глазах почти всегда горел огонь, они спешили жить. А я... ничего. Ничего не чувствовал.

Лишь механически повторял, как заводная кукла: поиск – слежка – донесение Верховному – небольшой хмельной перерыв. К концу второго столетия своей службы у Верховного я начал мечтать напороться на чей-то нож в одной из таверн, кабаков, трактиров или погребов. И наплевать, произойдет ли это в Империи или Яви.

И вот, когда я находился на самом дне, мой повелитель, прочитав очередной свиток с расписанием дня сущности и ее матери, приказал – и словно в ледяную прорубь меня окунул:

– Думаю, ты готов. Готов встретить сущность один на один.

Еще никогда я так быстро не трезвел.

6

836 год эпохи Каменных драккаров

Мне понадобилось целых две луны, чтобы прийти в себя и очиститься от хмельной отравы, которую я заливал в себя почти триста лет. Верховный настаивал, что я должен быть в трезвом уме во время миссии, и как никогда я был согласен с ним. Мы словно поменялись местами: теперь я получал сведения об очередной жизни сущности, которая должна была вот-вот начаться.

– В этот раз я сумел подгадать и заранее выяснить, в каком из миров искать чудовище, – уклончиво объяснял Верховный.

Конечно, некоторые тайны повелителя мне не позволялось узнать, даже спустя столько лет службы, а потому я не задавал лишних вопросов, лишь внимательно слушал.

– Эта ипостась невероятно сильна и начала влиять на мать, еще будучи в утробе.

– Как это? – нахмурился я. Тело отчаянно требовало браги, и я был зол сам на себя и на мир вокруг.

– Сущность насылает видения матери, в которых предупреждает ту о моем приближении, – словно нехотя пробормотал бог, но не успел я придумать ответ, как повелитель продолжил: – Мать притворяется безумной, но я следил за ней. Она в полной власти сущности и делает все, чтобы спасти чудовищу жизнь. Мать – охотница в регионе Артемиды.

– Значит, Империя, – я был слегка удивлен. – Нечасто сущность выбирает этот мир.

– Так и есть, – согласился повелитель. – Наше преимущество в том, что сущность почти не знает тебя. Лишь в нескольких жизнях она видела нас обоих или слышала твой голос. А потому тебе будет легче подобраться к ней.

– Вы... хотите, чтобы я убил ее до рождения?

Сама мысль об этом вызвала во мне панику.

– Конечно нет, мой мальчик, – пожурил меня бог. – Мы не убиваем невинных матерей просто так. Конечно, если бедная женщина до сих пор не поработана.

Я задумался. Мне было достаточно лет, я был опытен и разочарован в жизни и чувствовал себя стариком, хотя и выглядел, как прежде, молодо. И только сейчас у меня есть возможность сделать что-то действительно стоящее для моей миссии. Столько лет прошло между мной, пылким мальчишкой, готовым на все ради благосклонности Верховного Бога, и тем, кем я стал сейчас, – разуверившимся в жизни юнцом с глазами старика. Была ли моя вера крепка до сих пор или же я просто хожу по привычному кругу десятилетие за десятилетием?

Эти вопросы тогда я задавал себе осторожно, толком не произнося их полностью даже про себя. Лишь проблеск, отдаленное эхо разума звучало в моем сознании. Но правда состояла в том, что я был не готов жить своим умом. Слишком долго за меня решал Верховный, и мой собственный внутренний голос чаще всего напоминал речь повелителя.

Когда Верховный посчитал, что я готов, мы переправились в мир Империи, где он покинул меня прямо у колонн Первого Колизея.

– Здесь я оставлю тебя, Маттеус, – сказал бог. – Удачи тебе с миссией. Встретимся в Мидгарде на исходе луны. Я хочу услышать подробности.

В полном одиночестве я проделал путь до региона Артемиды. Верховный рассказал, что будущая мать сущности – охотница. Даже будучи на сносях, она не переставала вести промысел, готовясь к появлению ребенка совершенно одна. Полоумная охотница на сносях, незамужняя и без старших родственников в мире Империи – я уже хотел на это взглянуть. Скорее всего, она местная юродивая, раз в регионе никто не побил ее камнями за связь вне брака. Но кто будет покупать мясо у юродивой? Странно.

Я был у ее жилища около полуночи. Через пять часов она должна была отправиться в леса (судя по всему, распорядок дня матери был четким и выверенным).

Как только мои наручные часы показали пять утра, дверь хижины отворилась, и легкой тенью из нее выбежала мать. В рассветных лучах я видел, что она очень молода. Скорее всего, не старше двадцати сезонов. Она была тонкой до худобы, и лишь большой живот нарушал изящный силуэт. Но бремя не сделало ее движения неловкими или скованными. Она бежала быстро, одета была легко – в брюки и тонкую рубаху, но я заметил, что живот поддерживает какой-то лоскут ткани наподобие пояса. Ее ноги в тонких кожаных сапогах ступали бесшумно, а лук, закинутый на плечо, бился о спину ритмично, в такт небольшой косице, выбившейся из тяжелого узла на ее голове. Я еле попевал. Конечно, столько лет не тренировался вовсе, а только пьянствовал по мирам. Следить за детьми – не такая уж непосильная задача, нет необходимости держать себя в тонусе.

Периодически мать останавливалась и приседала, проверяя силки, которые, очевидно, расставила ранее. И именно в эти моменты, когда нужно было опуститься и встать, живот мешал ей больше всего, лишая природной грациозности. Увидев, как она неуклюже приподнялась в очередной раз, я понял, что моя рука дрогнула в попытке оказать ей помощь. Хотя я стоял далеко. Хотя я следил за ней, чтобы убить сущность. Хотя...

Я так опешил от этого глупого порыва, что упустил миг, когда она устремилась дальше. Шагов матери не было слышно, а лес встречал меня своими обычными звуками. Надо же, неужели выпал из реальности, предавшись думам? И сколько, интересно, времени я стоял здесь с глупым видом? Наверное, придется вернуться к хижине и дожидаться мать с охоты, чтобы продолжить слежку.

– А теперь подними руки, – раздалось свистящее шипение у меня над ухом, и я почувствовал, как под подбородком кольнуло острие ножа.

– Спокойно-спокойно, – проговорил я на имперском, послушно выполняя приказ.

– Думал превратить охотника в добычу? – она продолжила зло шептать, обыскивая меня легкими хлопками по всему телу.

Я так и не видел ее, только чувствовал, как она быстро перемещает руки по моему телу, избавляя от личных вещей. Острие ее ножа следовало четко за хлопками. Укол в шею, в область сердца, пах и в спину, прямо там, где располагались легкие. Конечно, преследовать ее, захлебываясь кровью, будет проблематично. Умная девушка. Я только сейчас понял, что для безумной она вела себя слишком осторожно и ловко, и односельчане оставили ее в живых не из жалости, а из-за ее талантов. Но кто пустил слух о безумии? Она сама, науськанная сущностью?

– Теперь говори.

Когда на мне осталась только одежда, девушка переместилась из-за моей спины молниеносно, и мы оказались лицом к лицу. Но я не успел рассмотреть ее – она отпрыгнула назад стремительно, меняя нож на лук с такой быстротой, которая мне и не снилась. Реакция охотницы. Я успел лишь сделать вздох, а в меня уже целился наконечник стрелы.

– Я оказался здесь случайно... – даже для меня самого такое заявление звучало неубедительно.

– Как же... – презрительно скривилась мать. – Я знаю тебя. И знаю, зачем ты здесь.

– Знаешь... знаешь меня? – я так удивился, что бросил потуги что-то изображать.

– Я видела. Она показала мне... – на секунду охотница сбилась, но тут же оборвала себя и рывкнула: – Случай на лодке, когда вы убили ее... вдвоем.

– Все было совсем не так...

– Заткнись, – грубо оборвала меня мать. – Убивать самому или помогать с убийством – разница небольшая.

О нет, разница есть, дорогая моя. Еще как есть. Я с сожалением понял, что мать отравлена сущностью. Сожаление... Такое старое и забытое чувство. Мне сложно было сказать, почему

именно сегодня во мне пробудилось что-то. Виной тому моя трезвость, этот мир, ситуация, в которой я оказался, или... именно эта мать. Что такого необычного в охотнице? Я видел их сотню раз, видел тех, кто был глух к сущности, а также тех, кого сущность поработала сразу. Но, наверное, впервые я встретил женщину, которая слышала сущность, но осталась собой. Я готовился увидеть сумасшедшую, обезумевшую от видений юродивую, а встретил ясный, словно наконечник стрелы, взгляд человека, который прекрасно понимает, что именно сейчас происходит.

И мне придется убить ее. Я видел, что она знает это.

– Послушай... – снова попытался я, стараясь вернуться в блаженное состояние бесчувственности.

– Это *ты* послушай, – оборвала меня мать, и в ее голосе было много презрения. – Я кину тебе веревку, ты свяжешь ею свои ноги. Крепко и хорошо. Я знаю, что Путешественники это умеют. Не пытайся меня обмануть.

– Куда мне до тебя по части обмана, – пробормотал я, намекая на то, как она сумела создать образ сумасшедшей среди соседей и покупателей.

Мать нахмурилась, очевидно, не разгадав мой намек. Прочная веревка крепилась на ее странном поясе вокруг выпуклого живота. Я ждал, что именно она полетит в меня секундой позже, но охотница медлила. Следовало воспользоваться заминкой, отчего бы она ни случилась, и обезоружить мать. Но взгляд против воли пополз вниз, туда, где между ног напряженной охотницы быстро расплзлось мокрое пятно. В следующий миг она выронила лук и уперлась ладонями в колени, протяжно и утробно вскрикнув. Но тут же попыталась распрямиться. Безуспешно.

Я просто стоял и смотрел на нее. Лук валялся на расстоянии одного прыжка, но я не знал, что делать.

«Сейчас она беззащитна как никогда, – прогремел голос Верховного в моей голове. – Напади, напади и убей их разом».

Но... я просто не мог. Я упустил свой шанс, показал свою слабость, червоточину, которая была во мне всегда. Дал сомнениям склонить меня на свою сторону. Подскочив к охотнице, я осторожно подхватил ее и уложил прямо на мягкую землю.

– Не трогай... не прикасайся ко мне, – выдавила она между судорогами, которые скручивали ее тело.

– Я помогу тебе, – прошептал я, и мои дрожащие руки сделали наконец то, чего желали, – утешающе погладили длинную косичку, которая манила меня до этого.

Мать распахнула глаза. Там больше не было презрения, ненависти или ярости – одна беспомощность и страх.

– Еще слишком... слишком рано... – простионала она. – Что-то не так...

– Подожди, нужно лечь поудобнее, – я отдернул пальцы от ее волос, ругая себя. Сейчас нужно совсем другое.

Я расположил ее поудобнее и метнулся к нашим заплечным мешкам.

– Только... не уходи... не уходи... – провыла она, потеряв меня из виду.

– Я здесь, – ответил я твердо. – Только все подготовлю. У тебя есть что-то с собой?

– Что-то... да, есть, – выдавила мать. – Но сначала... сними... сними эпидесмос... сама не могу.

До меня не сразу дошел смысл ее слов. Это что же, она наложила утягивающую повязку себе на живот? Чтобы легче было носить? Еще ни разу я не видел, чтобы бандаж использовали так замысловато.

Я поспешил к охотнице и, пытаясь причинить как можно меньше боли, нащупал конец эластичной ткани, после чего размотал. Мать обхватила живот руками и начала гладить кру-

говыми движениями, откинувшись на меня. Совершенно не думая, я обхватил ее и успокаивающе погладил по плечам.

– Так лучше... – пробормотала она, прерывисто дыша. – Гораздо-гораздо лучше.

Пришлось выпустить ее из объятий, хотя мне этого и не хотелось. Нужно было подготовить подстилку и добыть воды – это минимум, который я знал. Но мать быстро взяла себя в руки и принялась раздавать указания. Она больше не была насторожена и не боялась меня, а я не помышлял о своей миссии. Возможно, нами двигала интуиция. Может быть, где-то глубоко внутри нас хранились эти знания, которые иногда помогают выжить в самых непростых случаях. Мы готовились привести в этот мир жизнь, остальное отошло на второй план. Лук валялся забытым в двух шагах, а нож я тщательно омыл и прокалил, чтобы перерезать пуповину, когда придет нужный момент.

Схватки у матери были болезненными, но недолгими. Между ними она ритмично дышала и расспрашивала меня о какой-то ерунде. Какое мясо я больше всего люблю? А как я его готовлю? Не умею готовить сам? Что же это за мужчины в других мирах...

Мы так и не обменялись именами, обращаясь друг к другу общими фразами. В какой-то момент стемнело настолько, что мне пришлось повторно разжечь костер, который я сложил днем, чтобы согреть воду. Нужен был свет, потому что приближался самый важный момент.

Мать выгнулась на покрывале, широко разведя колени. Мне стало неловко, и я хотел бы не смотреть, но здесь не было никого, кроме меня, чтобы помочь ей. Я видел много женщин за свою долгую жизнь. Но не *так*.

Зрелище не было ужасным. Но и красоты в нем не было. Здесь присутствовало нечто другое. Что-то за гранью человеческого понимания. Я знал, что магия существует. Но это было волшебство совсем другого толка. Видеть, как в мир приходит новая жизнь. В боли, криках, крови и грязи. В слезах и страхе, которые тесно переплетаются со смехом и счастьем, стоит лишь скользкому маленькому телу приземлиться в твои раскрытые ладони.

Мать рассказала мне, как очистить дыхательные пути ребенка, а после перевернуть на живот и легонько шлепнуть. Младенец был так мал, что я держал его одной ладонью. После шлепка девочка разразилась криком во всю мощь небольшого тела.

– Дай мне ее... – умоляюще прошептала мать, но я помедлил.

Перевернув ребенка еще раз, я разглядывал сущность несколько мгновений. И тут она распахнула глаза. Удивительно, но они были глубокими и чистыми, и в них отражались отблески костра. Я поднес ладонь к ее маленькому лицу, чтобы коснуться щеки, но сущность вскинула руку и со всей силы вцепилась в мой палец.

Моя грудь наливалась странным, пугающим, лишающим сил чувством. Никогда прежде я не ощущал себя так. Я передал сущность в руки матери, и мы совместно перерезали пуповину.

– Как ты назовешь ее? – спросил я почему-то шепотом.

Учитывая, что последние несколько часов мать кричала на весь лес, понижать голос не было смысла, но казалось очень важным.

– Персефона, – точно так же, шепотом, ответила мать.

И я понял, что пропал. Ни за что на свете, никогда я не смогу убить их. Сущность поработила и меня. Сторона добра потеряла еще одну душу. Но в тот момент мне было совершенно плевать, потому что на меня смотрели две самые прекрасные пары глаз во всех мирах. И я знал, что буду защищать их, чего бы мне это ни стоило.

7

837–857 годы эпохи Каменных драккаров

Клио – так звали мать Персефоны – умерла через неделю после родов. Не помогли ни лучший знахарь, ни шаман региона. Испуская дух, все, о чем она просила меня, – это защищать ребенка. Я пребывал в смятении. Только я встретил женщину, с которой разделил самый яркий момент в своей жизни, и уже через неделю предал ее тело земле. Впервые мне было так больно, и боль эта не имела ничего общего с той, какую приходилось испытывать раньше. За свою долгую жизнь я ломал конечности, в Империи мне проводили операцию по иссечению аппендикса, я рвал связки и ранил плоть. Все это было неприятно. Впервые за долгие годы я был цел, но внутри все болело.

На руках у меня остался небольшой сверток с младенцем. С сущностью. Сущность смотрела на меня ясными серыми глазами Клио, и я понимал, что сделаю что угодно, лишь бы она выжила, увидела жизнь и могла смеяться.

Я решил спрятать Персефону прямо под носом у Верховного. Так мне казалось надежнее всего. Я долго искал и нашел в регионе Посейдона семью, которая на днях потеряла младенца. Они с радостью взяли девочку на воспитание. А мои щедрые ежемесячные вложения сделали меня близким другом Доминики и Альберто. Не знаю, что они думали обо мне. Возможно, что Персефона – мой ребенок и я скрываю ее от клана. Я притворялся немым рядом с ними и открывал рот, только когда оставался с ребенком наедине.

Мне часто удавалось брать Персефону на рыбалку. Скоро она освоила промысел с удивительной сноровкой. Я практически был уверен, что знаю, чем она займется, повзрослев. Но мне не хотелось думать о том, что будет, когда она станет старше. Наши отношения были простыми и понятными. Я не вводил ее в заблуждение и сразу объяснил, что не знал ее отца. И рассказал Персефоне все, что помнил о ее матери, а это были весьма скудные сведения. Боль от потери Клио стихла и почти не беспокоила. Тем более Персефона росла ее точной копией. Тонкая, выносливая, юркая. И только лишь светлый лен волос отличал ее от матери.

Конечно, я не мог наблюдать за взрослением девочки постоянно. Мне нужно было играть в верного сподвижника Верховного. Я был готов на всё. Сообщал ему ложные сведения о родившихся детях, говорил, что отслеживаю их, и приносил ему слезы сущности, когда докладывал об очередном убийстве, которого не было. Теперь я думал, что провидение толкнуло меня собирать кристаллы прежде. Каждый раз, когда я врал о том, что устранил еще одну ипостась сущности, кристаллы служили хорошим доказательством.

Я не хотел думать, что буду делать, когда слезы закончатся. А они обязательно закончатся: мне приходилось видеть не так много смертей в прошлом. Верховный всегда старался все сделать сам. Удивительно, как он до сих пор не вызвался сопровождать меня ни разу с тех пор, как родилась Персефона. Но мне казалось, что он был занят чем-то другим. Чем-то более важным для него. Потому что мои объяснения повелитель слушал невнимательно, постоянно размышляя о чем-то. Почти все свое время Верховный проводил в мире Яви.

Вникать в причину моей удачливости не хотелось. Тем более у меня и без того было много забот. А потому встречи с Верховным превратились в быстрые скомканые разговоры, повелитель забирал у меня кристаллы и почти сразу же прощался. Мне это было на руку.

Иногда я беспокоился о том, что стал небрежным, но были вопросы поважнее, поэтому все дела с Верховным я делал наспех, желая поскорее вернуться в Империю. На шестнадцатом году жизни Персефона начала вести себя странно.

Мы давно стали добрыми друзьями, и я мог сказать, что она любила меня. Мы могли говорить обо всем на свете. Я научил ее всему, что знаю и умею, а она крепко хранила мою тайну о том, что я мог говорить, хоть и был взрослым Путешественником. Мы общались всегда

наедине, а при людях она жестикулировала с особенно хитрым видом, как бы говоря: «Видишь, я соблюдаю правила этой игры». Я обожал ее, баловал и носил на руках.

Иногда Персефона бывала замкнутой и хмурой, ворчала и капризничала. После ее пятнадцатилетия такое случалось все чаще. Но я старался в такие моменты быть деликатным и понимающим. В конце концов, я старше, и терпения во мне больше. К тому же она всегда сменяла гнев на милость. Особенно в этом помогали щекотка или совместные забавы. Еще настроение ее значительно повышалось, если устроить соревнование и проиграть. Я проделывал это с завидной регулярностью в ее плохие дни и ни разу не попался. Рыбалка на скорость, бег наперегонки, заплыв с лодки до берега – я везде был проигравшим, а Персефона снова смеялась. Малая цена.

Годы пролетели незаметно, но не так, как те, которые я провел в пьяном угаре. Сейчас было время, наполненное теплом, уютom... Время, когда я был не один. У меня была семья.

Все оборвалось не то чтобы внезапно, но стало настоящим сюрпризом для меня. Следующие пять сезонов, что равнялось пяти годам в мире Империи, Персефона стала уделять мне все меньше своего времени. Это случилось не резко, постепенно. Теперь, навещая Альберто и Доминику, я часто не заставал Персефону дома. Прежде, когда она была младше, то всегда ждала меня – и когда удавалось предупредить о своем визите, и когда я появлялся внезапно. Сейчас же ее почти всегда не было.

Как и сегодня. Я покосился на стол, где лежало мое послание для Альберто. Там говорилось, что я приду якобы за жемчужинами от моего постоянного поставщика (так мы все эти годы договаривались о встречах). Письмо лежало на видном месте, но Персефона снова ушла.

– Знаешь, Маттеус, – внезапно проскрипел прокуренным голосом Альберто. – Она у соседей. К ней зачастил этот мальчишка... как бишь его... Агапит. Чуют мои старые кости, скоро будем справлять свадьбу.

И Альберто хрипло засмеялся. Я вздрогнул от этого искреннего смеха старика и почувствовал, что внутри все перевернулось. Это было необычное ощущение, похожее на то, как скручивает нутро перед рвотой от перепитой браги. Только вот меня не тошнило и я капли в рот не брал. Жестами я дал понять Альберто, что отправлюсь в море один, без Персефоны, и засобираюсь к лодке.

Когда все было готово, за спиной прозвучал ее обвиняющий голос:

– Я видела тебя во сне.

Как всегда, Персефона подобралась неслышно – в этом она походила на Клио, – но вздрогнул я не от испуга, а от ее слов.

– И что это был за сон? – я старался, чтобы голос звучал ровно и как ни в чем не бывало. Мысли о ее возможном замужестве были забыты.

– Много снов. Сначала в них не было никакого смысла. Ты за кем-то следил с бородатым стариком! – выпалила Персефона, а мне пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. – Но несколько месяцев назад сон изменился. В нем ты убил девочку, похожую на меня.

– Значит, это был ложный сон, – ответил я, медленно поворачиваясь к ней. – Я никогда никого не убивал.

– Но ты был там... – ее голос звучал беспомощно. – И сон был похож на реальность. И было так больно...

Я вздрогнул, не желая верить.

– Давно ты видишь эти сны? – спросил я.

– В первый раз случилось, когда... мне было около пятнадцати, – она смутилась и сильно покраснела, но я не понял почему. – С тех пор они снились мне. Сны были странными, но в них не было ничего опасного. Ты просто все время путешествовал, и я думала... Думала, что такова твоя жизнь. Но убийства...

Я размышлял, как мне поступить. Все отрицать или рассказать правду. Мириады мыслей проносились в голове за секунду. Все сомнения, страхи и вся любовь, которую я вложил в эту уже совсем не девочку. Воспоминания о других ее ипостасях, которых мы с Верховным звали сущностями. Как поступить правильно? Оставлять ее в неведении, надеясь, что она проживет обычную человеческую жизнь, или же рассказать все, что знаю сам?

– Давай сегодня выйдем в море не для рыбалки, – медленно произнес я. – И я расскажу тебе кое-что.

Она смело ступила на борт лодки, и я понял, что начинается новый этап моей долгой жизни.

* * *

– То есть я чудовище? – выдавила Персефона между всхлипами.

– Не вижу, чтобы ты была чудовищем, – неловко пошутил я. – Просто девчонка, может быть, немного тощая...

Я ткнул ее пальцем в бок, пытаюсь сгладить все то, что рассказал до этого. Но она не рассмеялась в ответ, а уткнулась лицом мне в плечо, и я почувствовал горячую влагу на своей рубахе. Яркое светило солнце, отражаясь от голубой воды, наша лодочка качалась на волнах, а мы сами сидели на ее дне, расстроенные и подавленные. Я приобнял Персефону за плечи и покрепче прижал, даря утешение.

– Что же нам делать? – шепотом спросила она.

– Жить, – просто ответил я.

Она внезапно отстранилась, поднимая лицо ко мне, и пристально посмотрела на меня странным взглядом.

– Сколько тебе лет? – сипло прошептала Персефона. – Сколько я тебя помню, ты не меняешься.

– Много, – усмехнулся я. – Очень и очень много.

– И ты видел, как я появилась на свет? – с сомнением спросила она.

– Да.

– Фу! – Персефона нахмурилась.

– Ничего не фу, – оборвал ее я. – Это был самый запоминающийся и трогательный момент в моей жизни.

– Ты любил мою мать? – продолжила выпытывать Персефона.

– Я был привязан к ней, хоть и недолго знал...

– Нет, – нетерпеливо оборвала меня она. – Ты был влюблен в нее?

– О... – я растерялся. – Не думаю... Я знал ее всего неделю.

Я старался быть искренним. Я мог бы полюбить Клио, но у нас было недостаточно времени. Отчего-то в ответ на мои слова Персефона облегченно выдохнула.

– Я хочу искупаться, – выдала она.

Это было так неожиданно, что я не нашелся с ответом. Но в следующий момент она уже скинула просторное платье длиной до щиколоток и нырнула в воду, сверкнув белизной кожи. Мы и раньше купались вместе, но всегда в одежде, и она была гораздо младше. И у нее не было этих новых форм...

Я одернул себя, стаскивая рубаху. Вряд ли она воспринимает меня как мужчину, но позже стоит с ней побеседовать о неуместном для молодой женщины поведении. Я нырнул в теплые ласковые воды и, проплыв немного на глубине, поднялся на поверхность. Персефона плескалась рядом. Я старался не опускать взгляд ниже ее подбородка. Она больше не плакала, черты лица разгладились, а в глазах горело озорство. Можно и повеселиться, решил я, а нотации

оставим на потом. Этот день и так был слишком сложным, со множеством не самых приятных открытий для нее.

Я начал в шутливой угрожающей манере подплывать к Персефоне – мы всегда так играли в воде. Но в этот раз она не стала с притворными криками уплывать от меня, а ринулась прямо ко мне. Наши тела врезались друг в друга под водой, и она оплела мой торс своими голыми ногами.

– Что ты делаешь? – прошептал я, задыхаясь.

Она была повсюду.

– Ты же знаешь, что я уже давно не ребенок? – спросила она, приблизив свое лицо к моему.

Так *это* и началось...

* * *

Мне казалось, что я недостаточно сопротивлялся, сдавшись ей. Но чувствовал себя не слишком виноватым из-за нового поворота в наших отношениях. Если быть откровенным, меньше всего хотелось копаться в себе и выискивать, где именно я допустил промах.

На самом деле между нами толком ничего и не изменилось. Мы всё так же дурачились, говорили обо всем на свете, много времени проводили в море.

– Думаю, Доминика и Альберто считают тебя моим отцом, – как-то сказала мне Персефона.

– Это вряд ли, – я пытался оспорить ее слова из упрямства, но еще и потому, что в этот момент мы лежали обнаженными на песке.

– Уверена, что так и есть. – Персефона перекатилась на живот и оказалась совсем близко ко мне. – Давай куда-нибудь уедем, чтобы они ничего не заподозрили и не задавали вопросов.

– И куда? – со смешком поинтересовался я, на минуту допуская такую возможность в мыслях.

– Куда угодно, Маттеус, – снисходительно ответила Персефона. И у нее был такой важный вид, который совсем не вязался с тем, как несерьезно она развалилась на песке, болтая ногами, что я не выдержал и рассмеялся.

– Что бы ты хотела увидеть в первую очередь?

– Столпы во всех мирах, – быстро ответила она.

– Ох, ну это не сложно, – протянул я, дразня ее. – Это займет не больше одного дня. Я думал, что, возмо-о-о-ожно, ты захочешь увидеть Каменные драккары Мидгарда, или же Дворец Фараона в Новом Царстве, или... остров Стрибога в Яви. Но раз ты хочешь посмотреть только Столпы-ы-ы-ы...

– Прекрати! – закричала она в притворном гневе, набрасываясь на меня с кулаками и разбрызгивая песок. – Я хочу увидеть все это, все миры и все прекрасные уголки, которые только возможно!

Вдруг она прекратила дурачиться и сникла.

– Как ты думаешь, может, мы и правда могли бы посмотреть это всё? – робко спросила она, устраиваясь у меня на груди, после чего подула на мою кожу, очищая ее от налипшего песка.

Я задумался о ее вопросе всерьез. Собственно, кто запрещает нам путешествовать вместе? Мы можем притворяться Путешественником и учеником перед другими людьми. Я скептически оглядел Персефону. Она была небольшого роста, достаточно хрупкой, чтобы сойти за мальчика-подростка при некоторых усилиях.

– Что? – настороженно спросила она.

– Вот размышляю, будет ли тебе идти полностью лысая голова, – прищурился я.

– О великий Посейдон! – завизжала Персефона. – Ты серьезно?! Мы сможем путешествовать вместе?!

Я удивился, как быстро она ухватила суть моей идеи. Иногда мне и вправду казалось, что Персефона обладает силами и читает мои мысли. Но когда я поделился с ней этими думами, она рассмеялась и ответила, что с самого детства у нее есть точно такие же опасения в отношении меня.

– Когда я была младше, – хихикнула она, – ты так часто угадывал то, о чем думаю, что я верила, будто ты можешь слышать это в своей голове. Мне было жутко стыдно и страшно.

– Почему? – удивился я.

– Ну... – она смутилась. – Наверное, меня страшило то, что ты узнаешь о моих чувствах.

– Чувствах? – глупо повторил я.

– Да, большой дурачок, – она ущипнула меня. Довольно чувствительно, и я охнул. – Я была влюблена в тебя лет с пятнадцати.

Сказав это, она внезапно опустила глаза, избегая моего взгляда, и погрузилась. Я не понял, почему такое милое признание сделало ее несчастной. А потому притянул Персефону поближе и прошептал:

– Извини, что был таким слепым все это время...

Она ничего не ответила, только потерлась щекой о мое плечо. Но грусть так и не исчезла с ее лица. Хотя я всеми силами старался отвлечь ее поцелуями.

Некоторое время мне понадобилось на то, чтобы подготовиться. Нужно было добыть по крайней мере два комплекта униформы учеников. Я забрал в Мидгарде свою собственную, которую носил подростком, Доминика подогнала ее Персефоне по размеру, а я собрал ее золотистые длинные волосы. Мы простились с приемными родителями, пообещав регулярно их навещать, и отправились в путь.

Как я и предполагал, со стороны мы выглядели словно Путешественник с учеником. На людях общались исключительно жестами и старались не проводить много времени в городах. Все красивые и завораживающие места четырех миров по счастливой случайности находились в удалении. Нет, не так. Те места, которые нравились нам с Персефоновой, были удалены от людей.

Она любила природу точно так же, как и я в детстве. Вместе с Персефоновой я заново открыл прелесть закатов, проливных дождей, пения сверчков, ночного купания под луной и многих других вещей. Персефона оказалась равнодушна к архитектуре и изобретениям человечества. Сначала я старался показать ей как можно больше знаменитых строений Царства, сеть колесниц в Яви и даже предложил тайком пробраться в самый большой и пышный Храм Жрецов во всех четырех мирах – он находился в родном мне Мидгарде. Но в какой-то момент я заметил, что Персефона откровенно скучает, посещая эти места. Недолго думая, я прямо спросил ее об этом.

– Прости, – виновато пробормотала она. – Я вижу, что ты любишь все это, но мне больше понравилась сеть водопадов на драккаре Ньёрда. Может, получится вернуться туда еще раз.

– Моя глупая Персефона, – пожурил ее я. – Тебе нужно было сразу сказать, что именно тебе нравится больше всего.

– Больше всего мне нравится быть с тобой, – она распахнула глаза и театрально захлопала ресницами.

Я захохотал. Эта девочка знала толк в лести. К слову, с Персефоновой я хохотал неприлично много. Я столько не смеялся за все триста с лишним лет своей прошлой жизни. И именно это меня подвело. Смех и радость окрыляют тебя, делая неосторожным. Я потерял счет не только дням и месяцам. Купаясь в этом счастье, я не заметил, как пролетели *годы*.

И пришел в себя я слишком поздно, дорого заплатив за беспечность.

8

860 год эпохи Каменных драккаров

Все это время, пока мы скрывались, будучи на виду, я, отправляясь на очередной доклад к Верховному, оставлял Персефону ждать меня неподалеку. Всегда снимал комнату на постоялом дворе, брал запас кристаллов, которые по какой-то причине от Персефоны прятал, и отправлялся на встречу с повелителем. Не знаю, почему смолчал об этих прозрачных сверкающих камнях, которыми плакали сущности, ведь я рассказал ей почти всё, стыдиться было нечего. Но именно про кристаллы сказать не мог, просто не поворачивался язык.

В этот раз все было так же, как и обычно, и это казалось мне потом самым обидным. Беда часто случается без предупреждения, не бьет тревожным набатом интуиции, не кричит о себе таинственными знаками. Она просто приходит. Ты не готов, но она уже на пороге, и эту гостью мало интересует, что она всегда нежеланная.

Мы были в Новом Царстве, остановились на небольшой улочке вдали от Дворца Фараона. В этот раз повелитель ждал меня там. Я буднично поцеловал Персефону в колючую макушку, пока она сонно ворочалась в кровати.

– Я вернусь так быстро, что ты не успеешь проснуться, – сказал я.

– И мы отправимся в красивое место, которое ты прежде мне не показывал? – сонно пробормотала она.

– Обещаю, – прошептал я ей.

Мы никогда не были в регионе Артемиды до этого. Я хотел показать ей лес, в котором она появилась на свет, и хижину ее матери. Ветхое строение укрепили, я позаботился об этом. За хижинкой ухаживали по моему наставлению. Я решил, что настало время нам с Персефоновой обрести что-то, что могло называться домом. Куда мы могли бы возвращаться из долгих путешествий.

Что меня подвело? То, что к Дворцу Фараона я явился, практически насвистывая веселую песенку, и не успел принять скорбный вид человека, совершившего убийство? Или все было спланировано повелителем заранее? Но вместо приветствия я услышал слова, наполненные тихим гневом:

– Как поживает Персефона, Маттеус?

Я споткнулся на половине шага. Мнил себя прекрасным притворщиком с идеальной легендой и маскировкой. Не допускал, что правда известна богу уже какое-то время, но он мог, точно как и я, играть свою роль. Меня будто бы сунули в ледяную купель Мидгарда напрямик после знойной духоты пустыни Нового Царства. Живот свело, и от страха затошнило.

– Чт... что? – неправдоподобно выдавил я, глупо перебирая кристаллы в кармане. Все мысли покинули меня, голова стала совершенно пустой.

– Я спрашиваю, как поживает твоя подруга? – вкрадчиво спросил Верховный. И то, что он не повышал голоса, пугало меня сильнее, чем громы и молнии, которые я не раз наблюдал в его исполнении. – Столько времени прошло, а ты нас никак не познакомишь. Нехорошо...

– Э... я... – мне хотелось ударить самого себя. Думай, идиот!

Но думать не получалось. Я покрылся испариной, потом меня бросило в холодный пот. Такого сценария в моей голове никогда не возникало, и сейчас я хотел спросить себя почему. Почему, Маттеус, ты не подумал о таком исходе событий? Мнил себя слишком хитрым, слишком умным? Кого ты пытался обмануть? Раскрыть ваш обман было только делом времени для Верховного Бога.

– Ты молчишь, – пробормотал он, и я увидел на его лице искреннее участие. – Случилось то, чего я всегда опасался, мой мальчик!

– Что? – глупо спросил я.

Разве сейчас не последует неминуемая расплата в виде мучительной смерти? Почему повелитель говорит со мной, как с тяжелобольным?

– Сущность, – пробормотал бог. – Она проникла в твою голову и поработила тебя.

– Нет, повелитель! – наконец в голове все встало на место и я смог взять себя в руки. Я смогу объяснить ему. – Мы в чем-то ошиблись. Она обычный человек. Не представляет опасности ни для миров, ни для окружающих!

Я говорил от всего сердца, стараясь убедить Верховного. Ведь я провел рядом с Персефой столько лет.

– Обычный человек, говоришь... – протянул бог, словно задумавшись. Я понадеялся, что беседа принимает благоприятный оборот, когда он спросил: – А как же ее слезы, которые обращаются кристаллами?

– Возможно... – судорожно искал я ответ, – возможно, это ничего не значит. Всего лишь странная особенность.

– А как же быть с ее снами? – вдруг спросил Верховный.

– Снами? – эхом повторил я. Сны... Она говорила, что видела меня во сне, но я совсем позабыл об этом. И вспомнил только сейчас.

– Значит, ты в курсе про сны, – печально проговорил повелитель. – А знаешь ли ты, для чего она постоянно тянет тебя в путешествия, Маттеус?

Я нахмурился. Разве это не я предлагал ей ехать куда-то раз за разом? Да, Персефона хотела увидеть новые места, но я не мог припомнить, насколько настойчиво она просила меня показать ей те или иные закутки миров.

– Знаешь ли ты, что она ищет кое-кого? – вкрадчиво продолжил бог.

– Кое-кого? – сипло спросил я.

– И когда она его найдет, они объединят силы и разрушат миры, – закончил Верховный.

– Его?

– Да, мужское воплощение сущности, – печально подтвердил Верховный. – Того, к кому стремятся ее душа и сердце. Ее вторая половина, без которой она чувствует себя несчастной.

Я молчал... Это не может быть правдой. Есть какая-то вторая половина сущности? Почему я никогда об этом не слышал... Мне никто не говорил. Неужели Верховный был со мной не до конца откровенен? «И у него *был* повод сомневаться, Маттеус, – проговорил голос внутри меня. – Разве не предал ты его доверия?»

– Мне очень жаль разбивать твое сердце, мой мальчик, – сокрушенно проговорил бог. – Я вижу, что ты искренне полюбил человеческое воплощение сущности. Но она лишь использует тебя...

– Нет, этого... не может такого... быть, – неуверенно закончил я.

Но червячок сомнений уже приподнял голову и впился в мои внутренности. Разве это так уж невозможно? Сначала я был оружием в руках Верховного, а потом просто перешел в стан сущности. Разве не своим взглядом она пленила мое сердце? Только лишь посмотрев в ее глаза, я был готов сражаться за нее, защищать от всех невзгод. А позже, став старше, она соблазнила меня.

Так, нужно остановиться. Это *моя* Персефона. Девочка, которая любит кидаться виноградом, щипаться и хохочет так громко, что люди оборачиваются на улицах. Она любит меня. Это не могло быть тщательно подстроено и спланировано, наша встреча произошла по воле случая.

Верховный молча наблюдал за мной. Я не заметил, как начал ходить из стороны в сторону, обхватив голову руками. Мне было плохо от всех этих мыслей. Это делало меня больным.

– Почему... – прошептал я. – Почему вы так добры ко мне, ведь я предал нашу миссию...

– Мой мальчик, – проникновенно ответил Верховный, глядя мне в глаза. – Не каждый бог смог бы устоять перед сущностью, что уж говорить о человеке. Я совсем тебя не виню...

И, как ни горько мне это делать, я докажу тебе, что прав. Ведь ты мне как сын, сердце болит за тебя... Отправляйся туда, где ждет тебя Персефона. Я не буду мешать. И спроси ее, спроси ее про сны и мужчину, которого она ищет. Если, честно глядя тебе в глаза, она опровергнет мои слова, то я оказался не прав. Слушай свое сердце: ты поймешь, где истина.

Бог поднялся с трона фараона, на котором до этого сидел, и подошел ко мне. Я был оглушен его словами. Он что... отпускает меня? Верховный приобнял меня за плечи и прошел вместе со мной к выходу из покоев.

– Иди, мой мальчик, – по-отечески напутствовал он меня. – А потом возвращайся и расскажи мне всё.

Путь от дворца до постоянного двора улетучился из моей памяти. Помню лишь, что я двигался очень медленно, руки и ноги словно окаменели. Я хотел увидеть Персефону и боялся этого. Но удар в самое сердце подждал меня совсем с другой стороны. Комната оказалась пуста. Ни Персефоны, ни ее вещей там не было.

* * *

Я пошел за ней. Конечно, не сразу. Сначала я вернулся во Дворец Фараона к Верховному и все ему рассказал. Он не упрекал меня и даже не сердился, лишь сокрушенно качал головой. И от этого мне становилось с каждым днем все хуже и хуже.

Именно поэтому я пошел за ней. Из мира в мир я шел по ее следу, желая заглянуть в глаза Персефоны еще раз. Я хотел спросить ее: «Почему?», «Как ты могла?» – но больше всего я хотел узнать, что все это – огромная ошибка. Просто страшное стечение обстоятельств. Может быть, она была вынуждена бежать и ждет меня в нашем тайном месте, условленном для таких случаев? Но нет, там ее не было. Возможно, кто-то похитил ее? Но в Яви я узнал, что путешествует она в одиночестве. Неужели она думает, что я иду убить ее? А я... иду убить ее?

Замкнув круг, я напал на ее след, оказавшись в Новом Царстве вновь. Но Персефона успела к Столпам прежде, чем я настиг ее. И я чувствовал: она пошла в Мидгард. Нет, я *знал* это. Хотела затеряться там, где Путешественников больше всего?

Но я ошибся. Она укрылась в горах драккара Велундра. Я подозревал, что ее целью были глухие пещеры, где она могла бы спрятаться на несколько лун или даже на целый сезон. Но я настиг ее раньше.

Она ночевала на небольшом плато, не разжигая костер, чтобы не привлекать внимания. Все как я учил ее. Конечно, за столько лет я потерял навыки слежки, но к ней меня тянуло словно магнитом, и я нашел ее.

– Здравствуй, Персефона, – проговорил я, смотря ей в спину.

Она вздрогнула и обернулась, но так и осталась сидеть на месте. Я застал ее за скудным приемом пищи.

– И тебе здравствуй, – невесело ответила Персефона.

Я обошел ее по кругу и уселся в отдалении, пристраивая на камнях трезубец, что был со мной с самой Империи. Она не отрывала взгляда от оружия, сразу превратившись в напряженную, готовую к побегу лань.

– Мне пришлось долго искать тебя, – объяснил я без улыбки и кивнул на трезубец. – И не всегда в самых безопасных уголках миров.

– Когда мы были вместе, ты не носил оружия, – ответила она, бросив на меня взгляд.

– Не носил, – не стал оправдываться я.

– Ты снова служишь *ему*? – спросила Персефона после непродолжительного натянутого молчания.

– Я никому больше служить не хочу, – сказал я, глядя ей в лицо, но она так и не посмотрела открыто в ответ, и, не выдержав неизвестности, я спросил прямо: – Ты расскажешь мне, почему не дождалась меня и сбежала?

– Тебя не было слишком долго, я поняла, что случилось что-то, – тихо сказала она. – И я не сбежала. Спряталась и видела, как ты пришел со своего доклада. И я видела, что *он* что-то изменил в тебе. Не знаю, что он говорил, но все это ложь!

– Ты не ищешь мужчину из своих снов? – спросил я, уже зная ответ.

Она испуганно вскинула глаза, впервые смотря прямо на меня. И в ее взгляде я увидел то, чего боялся. Там промелькнуло чувство вины. А потом она резко вскочила и побежала. Бросив вещи, бросив нож, которым до этого резала вяленое мясо.

Ярость охватила меня. Всё правда. Она лишь использовала меня. А я и развесил нюни, как идиот. Трезубец ладно лег мне в руку, и я пустился в погоню. Кровь стучала в висках, гнев застилал глаза. На несколько мгновений мир превратился в пульсирующее средоточие красного. Она была лишь добычей, целью моей миссии, страшным лживым чудовищем, тварью, которая пустила корни в моей голове. Я ненавидел себя за то, что поддался сущности. Слабое безвольное ничтожество.

Долго бежать не пришлось. Ее дезерты не были предназначены для скал. Она теряла силы, спотыкаясь все чаще. Мои ярость и боль вылились в последнем прыжке, с которым я настиг ее, вонзая трезубец в спину этой отвратительной ипостаси.

Она рванула вперед, освобождаясь от острых зубцов, но дальше не побежала. Только сделала неуверенный шаг, а потом обернулась. И у этой твари было лицо *моей* Персефоны. Ужас душил меня, сердце грохотало в ушах. Из уголка рта сущности Персефоны потекла тонкая розовая струйка.

– В этот раз моя кровь – на тебе... – прохрипела она голосом Персефоны и осела на камни.

Она плакала, и слезы, ударяясь о камни, отскакивали вниз. Но я и не думал их подбирать. Боль, такая сильная, что я подумал – приближается смерть, пронзила грудь. Отбросив трезубец, я кинулся к твари. Я ничего не видел из-за застилающих глаза слез. Подхватив Персефону на руки, я опустился на землю, уложил ее к себе на колени и похлопал по щеке. Все еще можно исправить. Но она слабо и вяло оттолкнула мою руку. Она не смотрела на меня, она плакала и смотрела в никуда, улыбаясь чуть безумной, но полностью счастливой улыбкой.

Рыдания вырвались из меня сначала слабыми сдавленными хрипами, а после отвратительным звериным воем, полным боли. Я хотел замолчать, но не мог. Я звал ее по имени, но она не обращала на меня внимания до самого последнего вздоха. Я качал ее на руках, гладил закрытые веки, бескровные щеки и кровавые губы. Но ничто больше не заставило ее открыть глаза и сделать вздох. Я убил ее.

Она была сущностью, принесла бы разрушение во все миры, использовала меня, и я убил ее. Но любить не перестал. И не знал, как дальше с этим жить.

9

861 год эпохи Каменных драккаров

Посмотреть в глаза Доминике и Альберто я нашел в себе силы лишь полгода спустя. Сразу после смерти Персефоны Верховный исчез. Я был в отчаянии. Пытался связаться с ним через наши обычные каналы. Оставлял послания и просьбы о встрече в тайниках у Столпов всех четырех миров, но мои письма оставались без ответа – их даже никто не забирал.

Я вновь ударился в пьянство (и мой заплечный мешок теперь был набит бурдюками с брагой), но стало еще хуже. Скитался по мирам, накачивался крепкими напитками и отключался там, где застала меня последняя порция хмеля. В пьяном бреде я всегда видел ее. Но не ту, к которой привык в последние годы, а предыдущие ипостаси. Как раз за разом следил, изучал и помогал убивать. Эти видения заставляли меня самого мечтать о смерти.

Прошло чуть больше шести лун со смерти Персефоны, и я понял, что вздрагиваю, увидев беременную женщину. Пришла шальная мысль, что могу все повторить. Найти ее, подождать, когда подрастет. И все будет как прежде. Я сам себе был отвратителен. Но мысли смешивались в моей пьяной голове, не давая мыслить здраво. Было ли мне *до сих пор* так важно, уничтожит она миры или нет? Любил ли я чудовище внутри нее или ее саму? Говорит ли во мне любовь или сущность пустила корни так глубоко в меня, что собой я больше не являюсь?

Мне хотелось закончить все это. Прекратить мучения, разорвать связь с сущностью, пока сохранялись хоть какие-то остатки разума в моей голове. Но для начала нужно было увидеть приемных родителей Персефоны. Оставлять их в неведении о судьбе дочери казалось кощунством.

Доминика поняла все без слов, распахнув дверь и увидев меня в одиночестве. Радующие на ее загорелом лице сменились болезненной гримасой, уголки губ поползли вниз, а рот раскрывался в надсадном глухом вскрике. Она упала на руки Альберто, я еле успел подхватить Доминику, чтобы помочь хромоту старику донести ее до кровати. Женщина плакала и металась, словно в бреде, приговаривая: «Девочка моя, как же так, моя малышка...» Я размышлял, что стоит за таким сильным и чудовищным горем: порочная привязанность к сущности или истинная любовь к человеческой стороне Персефоны. Смотреть на боль Доминики было невыносимо. Альберто кивнул мне: мол, подожди в кухне, я выйду, как только успокою ее.

Но я не остался в доме, а побрел вниз, к берегу, где до сих пор стояла наша с Персефоновой лодка. За все эти годы она ничуть не износилась и была покрыта свежим слоем палубного масла. Я понял, что Альберто берег лодку для нас, и в груди закололо.

Решение созрело быстро. Я осознал, что *уже* намеревался это сделать, собираясь навестить родителей Персефоны. И принялся готовиться к отплытию.

– Сынок, – раздался скрипучий голос Альберто у меня за спиной, и я вздрогнул. – Ты никак куда-то собрался?

– Решил выйти в море, – прошептал я, пряча глаза.

Альберто даже не выказал удивления, впервые услышав мой голос. Я заподозрил, что они с Доминикой знали гораздо больше, чем я считал.

– Прости мою старуху, – Альберто, ковыляя, приблизился и, хотя был почти на полторы головы ниже, крепко обхватил за плечи и развернул к себе, заставив посмотреть в старое морщинистое лицо. Глаза его блестели от слез. – Мы не виним тебя, что бы ни случилось. И ты себя не вини. Каждый, кто имел глаза, видел: ты любил нашу Персефону всем сердцем.

Ох, если бы он знал! Если бы видел, что случилось, то не утешал бы меня так!

– Альберто! – простонал я. – Я убил ее... убил.

– Не говори так, – сердито одернул меня Альберто.

И я рассказал ему все. Все подробности, с самого начала до конца. О своем детстве, миссии по избавлению миров, разных ипостасях Персефоны, об убийствах, о своей любви и даже о страшных мыслях найти ее новое воплощение...

Он слушал спокойно, не перебивая, иногда лишь постукивая согнутыми пальцами по голому костлявому колену больной ноги. Когда я закончил, солнце почти полностью погрузилось за горизонт, а на побережье спустились сумерки.

– Ты не удивлен? – спросил я в конце севшим от долгого рассказа голосом.

– Что ж... что ж... – пробормотал Альберто. – Мы с моей старухой знали, что за всей этой историей что-то кроется... Мы видели тебя неизменным столько лет... Знали, что Персефона не простой ребенок, слышали, как ты говоришь с ней, хотя при нас молчишь словно рыба... но про миры... Про миры ты меня удивил.

– Я убил ее, – мне хотелось прокричать эти слова, но я сказал тихо. Его удивили миры, а не то, что я отнял жизнь его дочери.

– Мы... трое, – прокряхтел он, пытаясь усесться поудобнее, и было видно, что нога доставляет боль, – мы несли непростую ношу, но тебе пришлось сложнее всего... Не суди себя строго...

От его понимающего взгляда с легким прищуром и в особенности от добрых слов мне стало совсем невыносимо.

– Я не могу... Не могу жить без нее, – еле слышно выдавил я, признаваясь ему и самому себе. – Не могу и не хочу.

– И что же задумал? Утопиться? – недоуменно спросил Альберто. – Ты ведь знаешь, что не сможешь получить покой таким образом. Так и будешь скитаться вечность призраком... Убить себя, да своими руками... Тяжкий грех.

– Никто не знает, правдива ли эта легенда, – упрямо сказал я.

– Все легенды в чем-то да правдивы, – перебил меня Альберто. – Давай расскажу тебе одну... Поди, эти знания помогут тебе придумать... Как обрести покой.

Ходят у нас тут слухи среди рыбаков, что есть остров в море, от которого надобно держаться в стороне. Вроде как живут там девы с рыбьим хвостом. Поют так сладко, что не слушать мочи нет. Но стоит ступить человеческой ноге на их остров, живым оттуда уже не выбраться. Наши рыбаки кличут этих дев сиренами да болтают, что сирены эти прячутся в пене морской, поют и завлекают моряков на верную гибель. Но вот что я тебе скажу, сынок... Выходил я тут на лодке вашей... старухе только моей ни слова: затосковала душа по морю... кхм-кхм, да... и вытащил я вдали от берега юнца. Болтался он на осколке лодчонки, замерзший, напуганный до смерти. К несчастью, не довез я его до берега, помер малец. То ли со страху, то ли слишком долго был в море. Но в бреду шептал он странные вещи. Что сирены эти не рыбы вовсе, а птицы. Да птицы не простые, а умеют женщинами обращаться. Девоптицы, значит... И зазывать они никого не зазывают, но остров свой защищают яростно. Убивают всех охочих до диковинок, стоит лишь сунуться на их землю. Понял? Такая вот история...

Я даже забыл ответить что-то связное Альберто. Зачем он мне всё это рассказал? На кой мне поучительная история, что слухи искажают истину, а людские языки перевирают всё, что слышат людские уши? Будто я и раньше этого не знал... раздражение поднялось во мне яростной волной, но точно так же быстро схлынуло.

– То есть... – просипел я.

– Сынок, – Альберто со стоном поднялся на ноги. – Мне бы мечталось, чтобы ты остался со мной и моей старухой да скрасил наши последние дни. Но знаешь что?

– Что? – глупо переспросил я, не спеша подняться следом.

– Если бы мне не терпелось к богам... я бы крепко подумал про этих охочих до убийства дев, – глухо сказал он и похлопал меня по плечу.

– Спасибо, – ответил ему я, вскидывая голову, чтобы видеть лицо Альберто.

– За такое не благодарят, – сердито одернул меня он, но после сокрушенно покачал головой и положил старческую сухую ладонь на мою голову. – Но поразмысли хорошенько. Мы будем верить в лучшее и ждать тебя в доме.

И он ушел, заваливаясь набок. Я знал, что пути назад нет, не хотел жить с таким грузом на душе, и Альберто знал, иначе ни за что не рассказал бы историю про поющих дев, которые убивают нерадивых моряков и искателей диковинок. На минуту мне стало стыдно, что я бросаю свою миссию, двух одиноких стариков и иду по такому малодушному пути. Но тут же образ умирающей раз за разом Персефоны предстал перед мной, и я ухватился за фляжку на поясе. Разве это жизнь? Я не смогу никому помочь. Моя душа разрушена до основания и еще глубже.

С всеобъемлющим облегчением я шагнул в лодку. Вышел в море почти ночью, но так даже лучше. Ориентироваться по звездам куда проще, а небо встречало меня бархатной густой чернотой, на которой сияли россыпью яркие кристаллы. Мне подумалось, что они напоминают те, которыми плакала умирающая сущность. Слезы Персефоны укажут мне путь к освобождению.

Когда рассвело, я ступил на песок острова, почти сошедший с ума от воспоминаний и абсолютно пьяный. В пути я выдул все фляжки, которыми запасся. Удивительно, что смог добраться на верный остров. По крайней мере, я надеялся, что прибыл туда, куда мне нужно.

Я повалился на песок, в горле пересохло. Солнце вставало все выше, день обещал быть жарким. Перевернувшись на спину, я подумал было закричать, призвать поющих дев, но сил почти не осталось. Они найдут меня сами. Я очень на это надеялся.

Вдруг надо мной нависла тень. Я с неохотой разлепил веки, желая посмотреть, что же это за диво такое – девоптицы. Но на меня смотрела обычная девочка. Правда, наряд ее состоял из ткани, украшенной перьями и бусинами, а в чертах лица и правда было что-то нечеловеческое. Она по-птичьи склонила голову набок и позвала тонким голоском:

– Мама, иди погляди! Тут еще один охотник за диковинками пожаловал.

Ухмылялась она совсем не по-девичьи, а хищно. А потом, вскинув голову, издала гортанный птичий крик. Мои глаза обессиленно закрылись вновь, а голова упала обратно на песок. Я прибыл именно туда, куда мне было нужно. Скоро наконец все закончится.

II Берсерк

1

849 год от Великого Раскола

Вокруг царил покой. Крупные хлопья снега падали наземь. Мир превратился в сияние белого. Даже приглушенный дневной свет, отражаясь от кипенных сугробов и заиндевелых ветвей, сверкал ярче обычного.

Рыжеволосый мужчина в накидке появился ниоткуда, прямо посреди снежного полотна. Разорвал пространство и возник прямоком на нетронutom белом одеяле зимы. Это выглядело удивительно. Словно он стоял на месте так долго, что все следы к нему замело, но следов не было вовсе.

На горизонте показалась белая волчица. Она сливалась с царством чистоты, но рыжеволосый все равно заметил ее. На то он и был богом. Волчица приближалась неспешно, пофыркивая, казалось, пренебрежительно. Из ее пасти рвались белые клубы пара, дыхания бога было не разглядеть. Быть может, он не дышал вовсе.

Наконец, приблизившись, волчица перекувыркнулась через пень, что нелепым обрубком торчал на поляне, и обратилась в девушку. Роста в ней было немного, волосы отливали черным, будто вороново крыло, а раскосые глаза смотрели настороженно.

– Здравствуй, Улла, – сдался рыжеволосый, когда молчание затянулось.

– И тебе здравствуй, Велес, – процедила волчица.

– Как поживает стая? – поинтересовался бог учтиво.

– Уж никак ты светскую беседу затеял, – рассмеялась Улла, и смех ее походил на лай.

– Почему не побеседовать двум давним друзьям, – заметил бог.

– Потому что мы не друзья, – рявкнула волчица. – Зачем пожаловал? Я предпочитаю решать вопросы через Калена...

– Удивительно, – безразлично пробормотал Велес, и с лица его пропала притворная вежливость. – Выбрал свою судьбу твой муж сам, заточил его Кален, а клыки ты точишь на меня.

– Тебе я служу, – цокнула Улла. – Как и договаривались. А что поклоны не бью, то не обессудь. Характер не тот.

Внезапно бог кивнул, словно соглашаясь, и опустил ся прямо в снег. Девушка, чуть помедлив, села напротив, скрестив щиколотки согнутых ног и уперев локти в острые колени. На ней была накидка из шкуры, а больше ничего. Смуглые обнаженные руки и ноги словно не страшились холода. Впрочем, бог в своей тонкой, слишком изысканной для зимы одежде тоже не мерз. Они немного поерзали, будто на перине восседали, а не на голой холодной земле, и пронзили друг друга похожими упрямыми взглядами.

– Я сию тихо, – в этот раз волчица сдалась первой. – Как и сказал Кален. Новых особей не обращаю. Мы затаились, как ты и хотел.

– Время ожидания вышло, – кивнул Велес. – У меня есть для тебя задание.

– И после ты отпустишь его? – впервые в голосе волчицы послышались страстные нотки, выдержка изменила ей.

– Нет, – честно ответил бог. – Еще не время.

– А когда будет время? – взвыла Улла, теряя контроль. – Сколько еще сотен лет моей службы тебе надо? Сколько еще мне ждать?!

– Милая девочка, – хмыкнул Велес. – Что ты знаешь об ожидании?

Он помолчал немного, вцепившись в застёжку своего плаща, сверкание которой немного меркло по сравнению с белизной вокруг, и грозно заявил:

– Ты хотя бы можешь быть уверена, что увидишь его. В свое время.

Они молчали некоторое время, а снег падал вокруг бесшумно и величественно.

– Так что за задание? – нетерпеливо процедила Улла.

– Отправишься со своей стаей в другой мир, – буднично ответил бог. – Мне нужны там ваши уши, глаза, а когда придет время – клыки и когти.

– Стая слишком большая, – возразила Улла. – Переход в другой мир вызовет много вопросов. Посвящать каждого волчонка в тайны мирозданий не дело.

– Ты умна, – согласился Велес. – Хороший вожак печется о стае. Ягишна создала тебе амулет: сможешь накладывать забвение и печать молчания. Забвение – для тех, кому не следует помнить о родном мире, из которого пришли. А молчание – тем, кого будешь отправлять на задания.

– Я наложу забвение на всех, – заспорила Улла. – Пусть думают, что новый мир им родной. Так будет проще. А лазутчиков воспитаю сама, из самых надежных.

– Тут тебе виднее, – согласился бог и поймал снежинку на ладонь. Приблизив руку к лицу, принялся рассматривать совершенное творение мира Яви. – Отправитесь в Мидгард, – промолвил Велес.

– Слава богам! – воскликнула Улла и рассмеялась искренне. – Боялась, что из вредности запахнешь меня туда, где куча песка.

– Я не настолько мелочен, дорогая, – безразлично парировал бог. – И Новое Царство я выбрал для себя. Они так идеально разрушены после Великого Раскола и так сильно откатились назад из-за катастрофы с вышедшей из берегов рекой, что мой брат не смог устоять и построил там новый рабовладельческий строй. Вернул эту частичку мироздания к истокам, которые он всегда любил. Я спрячусь там, где, как он уверен, мне не по душе. Обведу его вокруг пальца. Не могу отказать себе в этом удовольствии.

– Я думала, ты будешь здесь, – буркнула Улла. – Ведь Явь – твой любимый мир.

– Здесь останутся Ягишна и Владан, – внезапно с охотой поделился Велес. – Потому что я хочу сохранить Явь в целостности.

– Я со стаей отправлюсь в Мидгард, чтобы помогать твоему отцу, Ягишна и Владан будут здесь, ты устроишься в Новом Царстве, – перечислила Улла, а затем помялась, но упрямо продолжила: – А Калена с Марой отправишь в Империю?

Велес вздрогнул, будто его пронзила боль.

– В... Империю... – он замолчал и снова потерял застёжку. – Там я разберусь. Мара и Кален, как всегда, будут то здесь, то там. Чтобы держать связь, они необходимы. Не всегда можно положиться на отца, все же он бо́льшую часть времени – под зорким взглядом моего брата.

– Какую большую сеть ты соткал, – вздохнула Улла. – Сколько жизней разрушил. И ради чего всё?

Велес прожег волчицу взглядом, и та, не выдержав, поежилась.

– А ради чего ты служишь мне, – спросил бог, – хотя разорвала бы, будь твоя воля?

– Из-за минутной слабости моего мужа столетия назад, – горько прошептала Улла.

– У всех нас бывали минуты слабости, – хмыкнул Велес. – Длинною в столетия. Собирай стаю, я пришлю Калена с амулетом, когда все будет готово.

Бог собрался было щелкнуть пальцами, чтобы просто раствориться в воздухе, но замер на секунду, и лицо его исказила судорога.

– Ты же знаешь... Знаешь, что мне жаль твою дочь... – тихо промолвил он, смотря вдаль, чтобы не встречаться глазами с Уллой. – И твоего сына. Если бы я знал, как устроен принцип обращения, ни за что бы не допустил...

– Прошло две сотни лет, – прорычала Улла. – Все пустое... Эта рана зажила.

– Мне ли не знать, – Велес ввинтил в нее тяжелый взгляд зеленых глаз, – эти раны не заживают никогда.

И, шелкнув пальцами, он исчез, оставив ошеломленную волчицу среди заснеженного леса. Она со злостью утерла щеки, по которым впервые за долгие годы струились слезы, вскочила и уже в прыжке через пень перекинулась обратно в волка. Зверем было проще и надежнее контролировать стаю и забывать о боли, что гложет каждый новый день так же сильно, как в первый.

2

866 год эпохи Каменных драккаров

– Хельга! – воскликнула старшая вышивальщица. – Как всегда, вышло прекрасно! Просто прекрасно!

Я торжествующе улыбнулась и оглядела соперниц. Они корпели над шитьем, низко склонив головы, и лишь бросали короткие злые взгляды исподлобья. Я снова взяла над ними верх. Конечно, соревнование было негласным. Но в мире всё, за что бы ты ни взялся, было соревнованием. И даже милосердная Фригг одобряла склонность своих дочерей быть лучшими из лучших! У меня не было никакого желания становиться красильщицей, что непременно светит двум из этих девиц. Справедливости ради, все мы хорошо знали друг друга, ведь росли вместе. Но в таких вопросах личная приязнь не в счет. Я намеревалась стать старшей вышивальщицей когда-нибудь. Нынешней уже тридцать три сезона, та еще старуха. Скоро ей предстоит отправиться на покой, а потом и вовсе в последнее плавание к радужному мосту.

И пока что нет сомнений, что среди моих ровесниц нет достойной соперницы. Я была уверена в том, что приготовили для меня боги. Мое будущее стелилось перед внутренним взором, вилось, словно красная нить нашей фирменной семейной пряжи. Как на ладони я видела последние два сезона девичества, а после удачное замужество. Я ни за что не уйду на другой драккар. Фригг не дала отцу и матери мальчиков, а все мои сестры умерли во младенчестве, слабые и не способные вырасти в нашем суровом мире. Поэтому хоть и замужем, но возглавить семейное дело придется мне. Надеюсь, отец ясно понимает, какого мужа мне выбрать.

Мои чувства и эмоции не имели здесь ни малейшего значения. Да и не нравился мне ни один парень нашего драккара, а на пришлых визитеров я не смотрела. Зачем зря душу беречь. Я была бы рада поладить с будущим мужем, но, если он окажется человеком дурным или слабым, мать с отцом помогут мне стать вдовой. А там уже никто мне не указ. Ради семейного дела я была готова на все.

Конечно, ко мне будут свататься самые завидные женихи. И дело тут не в красоте или богатстве. Каждый ярл на драккаре мечтал заполучить тайный рецепт нашей краски. Хотя тут они просчитались. Ни за что чужак не узнает тайну моей семьи, сколько бы лет ни делил со мной ложе. Ни общие дети, ни горячая любовь не заставят меня открыть секрет.

Нет смысла надеяться, что мне повезет, как родителям. Брак между кузенами правящих семей не слишком одобрялся. Нужно было разбавлять кровь. Но отец в свое время пошел наперекор традициям. И что теперь? У него так и не было наследника, а все дети гибли. Кроме меня. Конечно, старейшины убедили родителей, что всему виной близкородственная связь. Как будто жениться двоюродным брату с сестрой не было обычным делом. «Но-но-но, – услышала я в голове скрипучий голос старейшины, моего прапрадеда. Казалось, из него вот-вот песок посыплется, таким древним он был. – Только если ты не наследница великого ярла».

За думами я закончила со второй вышивкой и хотела было приняться за третью, но поняла, что пальцы затекли и спина ноет от долгого пребывания в согнутой позе. Свет был плохим, и глаза болели. Я заметила, что из высоких окошек главной залы вышивальной почти не пробивается свет. Значит, Бальдр закатил свою колесницу за горизонт и наступает ночь. Самое время заняться тайным поручением отца.

Я одернула себя. Бальдра нельзя более упоминать даже в мыслях! Несколько лет назад, когда я была слишком мала, с собрания сезона отец принес весть. Он уже тогда представлял наш клан. Я помню совсем молодую маму – она испуганно вскочила и выронила пряжу, едва увидев, каким бледным вернулся отец. Если бы я думала, что Ивар Длиннобородый умеет испытывать страх, то решила бы, что именно его и вижу на лице отца.

– Фригг поведала, что мы едва избежали Второй битвы богов, – сказал отец, тяжело опускаясь на скамью.

– Что это значит, мой ярл? – мать присела и принялась расстегивать ремни отцовых сапог.

– Тора предали, – процедил отец, а мать на мгновение замерла. – Один из молодых богов! Какой позор!

Все знали, что наш народ получает сведения самым первым. Фригг была супругой Тора и, как бы склочно они ни жили, всегда оставалась первым доверенным лицом бога грома. Поэтому любая информация с собраний сезона была достоверной. Мать молча продолжала раздевать отца, лишь зыркнула на меня, без слов приказывая греть воду. Я знала, что дальше она будет разминать его плечи, а когда горячая купель будет готова, мне следует отправиться на прогулку.

Позже, перед сном, мама рассказала мне, что бог солнца – Бальдр – замыслил предать Тора и отобрать его верховенство. Но сильные Молодые боги смогли предотвратить новый раскол мира. Теперь бога солнца упоминать не следует, но само светило можно. Поэтому даже думать о колеснице Бальдра было опасным. Сейчас все говорили «солнце закатилось за горизонт». Словно никакого божества-светила и не было вовсе. Если богов забывают так быстро, что же говорить о простых людях. Помнит ли кто-то о нас после того, как мы отправляемся в плавание к радужному мосту?

Отгнав неприятные мысли, я кашлянула, привлекая внимание старшей вышивальщицы.

– Да, Хельга? – чопорно спросила Эрна Исключительная. Второе имя она заработала своим талантом. У меня же второго имени пока не было вовсе. Не заслужила.

– Я закончила работу, а потому хотела бы отправиться домой, – церемонно произнесла я. Пусть видит, что, несмотря на юный возраст, я уже не ребенок.

– Ты прекрасно потрудились сегодня, – похвалила старшая вышивальщица. – Можешь быть свободна. Передай мое почтение отцу и горячий привет матери.

– Непременно, госпожа, – я поклонилась и степенно покинула зал под взглядами подруг, что сверлили мне спину.

Лишь оказавшись за дверью, я побежала по неровной дороге, заткнув юбку за пояс. Конечно, на людях я ходила в платье, но под него всегда надевала практичные штаны. Так было сподручнее перебираться по сходням, а после карабкаться по каменистым холмам. Я собиралась заняться сбором тайного ингредиента, необходимого для краски.

Кто бы мог подумать, что величие нашего клана держится на таком невзрачном растении, как марена красильная. Отец показал мне его в мой двенадцатый сезон. Между основными драккарами располагались небольшие кнорры, на одном из них мой отец и посадил побеги, которые принесли ему величие. На втором по счету кнорре от драккара Фригг никто не жил. Это был запущенный каменистый островок, и лишь перебравшись через высокую гряду, можно было найти поляну, на которой мы и выращивали марену.

Растение выглядело невзрачным. Просто зеленые стебли с кучей листьев. А желтые цветы будто бы маскировали главную особенность растения. Ни за что не догадаешься, что именно этот куст дает тканям насыщенный цвет крови или же бурый цвет древесной коры, а иногда – если провозиться достаточно долго – даже розовый цвет закатов.

Весь секрет в том, что красящий элемент содержится в корнях этих кустов. Поэтому даже если кто-то найдет их, ни за что не поймет, что перед ним золотая жила. Именно по этой причине поляна никак не охранялась и даже была не огорожена.

– Представь, – объяснял мне отец, когда привел сюда впервые, – если ты случайно наткнешься на эти заросли, что первым придет тебе в голову?

– Что это какой-то бесполезный сорняк, – ответила я и запоздало добавила: – Мой ярл.

– То-то же, – отец с довольным видом поднял палец вверх. – А если бы здесь были ограждение и охрана, то случайно забредший сюда человек сразу же смекнул бы, что к чему.

Я удивилась тогда прозорливости отца. Но сейчас и сама поднаторела в разного рода ухищрениях.

На поляну я приходила всегда в сумерках, без пламенника. За несколько сезонов я научилась пробираться на место цветения марены с закрытыми глазами. Мои ступни знали каждый камушек, каждую выбоину, каждую скрипучую доску сходней. Мне одинаково просто удавалось преодолевать путь налегке и с нагруженной корнем марены тяжелой заплечной сумой.

Побеги я закапывала в отдалении от поляны, стараясь придать нашим драгоценным кустарникам первозданный природный вид, будто бы в этом бурьяне не ступала нога человека. Правила были простыми. Вырывать каждый третий куст, а не рядами подряд, чтобы на первый взгляд невозможно было понять, что здесь недавно собирали урожай. Обрезать корни сразу же и складывать в мешок, а побеги закапывать подальше. Эта схема работала долгие годы.

Насколько я знала, марена росла только на этой поляне, больше я никогда о ней не слышала ни от одного красильщика, пряжи или вышивальщицы. Отец сказал мне, что получил ее в подарок от своего отца, чей брат был Путешественником. Мне было интересно, где именно растет марена в природе. Может быть, на драккаре Фрейи? Я слышала, там есть много растений и даже песок, а не только безжизненные скалы, куцые побеги и рукотворные теплицы с цветами, необходимыми для создания красителей, как на нашем. Но когда я принялась донимать отца, он посоветовал держать любопытство при себе и не заводить эту тему лишний раз. Больше я не спрашивала.

Отец говорил, что скоро придут новые времена, когда одежду сможет красить любой бедняк, но времена эти так и не приходили. Я подслушала разговор между родителями, который совершенно точно не предназначался для моих ушей. Это было как раз через сезон после того, как я увидела поляну.

– Предательство Бальдра дало нам немного времени, – шептал отец. – Все же есть страшные события, которые идут на пользу обычным людям.

– Тебя уж точно нельзя назвать обычным человеком, мой ярл, – тихо засмеялась мать.

– Брось, Ида, – хмыкнул отец. – Мы же не на людях.

– Ивар, – мама произнесла имя отца с нежностью, которой я никогда прежде не слышала, заставив меня поморщиться. – Время покажет, как нам стоит поступать.

– Брат отца написал мне, что новые вещички у народов появятся еще нескоро, – я услышала, как отец потянулся: раздался хруст позвонков. – Так что побудем еще богачами.

Мама засмеялась в ответ, а после раздались звуки, от которых меня затоснило. Я относилась к их нежностям с опаской. И, к счастью, никогда не видела своими глазами. Это даже слышалось ничтожно, боюсь представить, как выглядело. Фу!

Больше я отца про марену не расспрашивала, зная лишь, что однажды величию нашей семьи придет конец. И имя этому концу – изобилие. Марену сможет выращивать каждый, о ней узнают. А потому главной задачей жизни для меня было не допустить этого на своем веку.

3

866 год эпохи Каменных драккаров

Я смотрела на заросли марены в свете луны. На кнорре было ветрено, но дождь не шел. Небо было ясным. И на том спасибо. Я быстро принялась за дело, но почти сразу же почувствовала *это* и замерла. Взгляд в спину. Снова.

Как только отец перестал сопровождать меня на кнорр, я заподозрила, что за мной следят. Сначала, конечно, девица возрастом тринадцать сезонов, которой я была давным-давно, испугалась возможных недоброжелателей. Меня могли выследить и поколотить соперницы по урокам вышивания. Они все мне завидовали. Потом я испугалась, что за мной мог пойти шпион из другого клана, чтобы выведать наш секрет. Я затаилась и провела в зарослях марены всю ночь, но ни единого звука, кроме своего собственного испуганного дыхания, не услышала. Ветер шевелил стебли растений, но больше никакого движения в ночи я разглядеть не смогла. Пришлось рассказать отцу. Мы отправились на кнорр вместе и обшарили каждый участок пути на схроны. Ничего. Рядом с отцом ощущение чьего-то взгляда в спину пропадало напрочь.

Ивар Длиннобородый решил, что его дочь струсилась. Так стыдно мне не было ни разу за всю короткую жизнь. Больше я отца о помощи не просила. Но как только оказалась на кнорре одна, ощущение чужого взгляда вернулось. За мной наблюдали. Я стала чаще оглядываться через плечо, но поймать соглядатая не удавалось. На драккаре ощущение слезки пропадало напрочь. Одно время я думала, что схожу с ума, но поделиться своими страхами было не с кем. А тем временем на кнорр отец отсылал меня все чаще. В один из дней я не выдержала и, выдернув знатный пучок марены, заорала что есть мочи:

– Не надоело подло прятаться?!

Ответом мне были лишь тишина да эхо моего испуганного голоса, отскакивающее от скал. А потом я услышала короткий смешок в отдалении. Словно утихающее «-тсья» моим голосом, но тоном ниже, не таким звонким. Я долго думала, показалось ли мне это. Спуталось ли сознание так сильно от страха, что придумало посторонний звук?

С тех самых пор ощущение слезки... не знаю, как подобрать слово... смягчилось, что ли? Это больше не был злобный взгляд, сверлящий мне спину. Я больше не чувствовала себя добычей, ощутив безопасность и покой. Да, взгляд все еще впивался в меня, но я чувствовала, что в нем не было ярости. Лишь любопытство и немного одиночества.

Стыдно признаться, но я принялась разговаривать с *этим*. Я утешалась тем, что просто болтаю сама с собой. В этом нет ничего постыдного. Друзей у меня не было. Единственный ребенок у родителей обречен на одиночество. У меня множество кузенов и кузин, но все они держались с опаской, потому что я была дочерью ярла, а они... просто моими родственниками. Когда-нибудь я возглавлю клан, и не пристало мне валяться с ними в грязи и играть в глупые детские игры.

Мне думалось, что именно поэтому я так просто приняла невидимого молчаливого слушателя. Отношения выстраивать было не нужно, говорить можно было все что угодно, никто не узнает. А чувство дружеского участия и поддержки я ощущала как никогда сильно именно на кнорре. Конечно, в глубине души я понимала, что это выглядит жалким. *Это* было выдумкой. Здесь не было никого, кроме меня. И я просто выплескивала всю боль и одиночество в молчаливую пустоту кнорра.

Так я и думала до прошлого сезона.

Стояла одна из ненастных ночей, таких привычных для Мид-гарда. Сходни качались и тряслись под порывами злого ветра, когда я пробиралась к поляне. Но ждать было нельзя. Запасы краски кончились, а буря бушевала вторую неделю. Заказы пора отдавать. Покупатели

не должны знать, что погода может повлиять на появление красителя. Поэтому я отправилась за мареной.

Переход до кнорра дался нелегко, но более или менее благополучно. Сложности начались на скальной гряде. Для удобства я сняла и спрятала в заплечный мешок юбки, чтобы они не раздувались, как парус, препятствуя восхождению, но лучше не стало. Я была слишком легкой, чтобы противостоять ветру, и каждый яростный порыв буквально швырял меня из стороны в сторону. Ливень заливал глаза и делал камни под моими пальцами и сапогами скользкими. Я взмолилась Фригг, чтобы она и дальше плела нить моей судьбы, не обрывая ее в такой нелепый момент по такой глупой причине. Словно в ответ на мои ничтожные просьбы ударил гром. Мне показалось, что молния припала прямо по скале, по которой я взбиралась. Глыба камня содрогнулась, и я испуганно замерла. Но продолжения не последовало, поэтому мне не оставалось ничего, кроме как продолжить свой путь. И именно тогда скала подо мной треснула. Разверзлась, осыпалась, будто не стояла здесь до рождения моего отца, а была всего лишь горкой засохшей грязи, которая размокла и сдалась под натиском стихии. Кусок породы, за который секунду назад я цеплялась для опоры, откололся и остался в моем сжатом кулаке, пока я падала спиной вниз. Время вдруг потекло куда медленнее, и я успела заметить множество деталей вокруг, но ни единой мысли не мелькнуло в сознании. Я не вспомнила ни мать, ни отца, ни даже почему оказалась в столь неподходящем месте в такую непогоду. Просто падала и падала, пока сверху на меня сыпались отколовшиеся от скалы камни, большие и маленькие. Я и сама была камнем, который вот-вот шлепнется на твердую землю и превратится в пыль. Дальше наступила темнота.

Очнулась я только под утро. Занимался рассвет, буря стихла, а я лежала поодаль от обрушившейся скалы. На ум приходило лишь то, что я волшебным образом отлетела дальше, чем нужно, и именно поэтому не покоилась сейчас ровно под грудой осколков у подножья гряды. Все бы ничего, но под моей головой лежал вещевого мешок, заботливо свернутый в виде подушки. Я судорожно осмотрела себя на предмет ран и переломов, но, кроме царапин, оставленных щебнем, повреждений не было. Тело затекло от долгого лежания на твердой земле, и, осторожно пошевелившись, я почувствовала, как заныла спина.

Еле добравшись домой, я слегла с горячкой. Мать впервые в жизни выразила прямое недовольство действиями отца. Я была очень плоха и в бреду слышала, как отец просил прощения у матери, но она обещала проклясть его, если я погибну.

– Тебе твои красные тряпки дороже родной дочери! – выла мама, дрожащими руками поправляя мне припарку.

Мне казалось, я горю живо, но хотелось сказать ей, что беспокоиться не о чем. Я скоро встану на ноги.

– Родная моя, – хрипло шептал отец, и я никогда в жизни не слышала, чтобы он говорил с такой нежностью. – Наша девочка обязательно выкарабкается. И я больше ни за что не пущу ее на кнорр.

Мне хотелось закричать. Как только я поправлюсь, обязательно должна отправиться назад. Потому что теперь я уж точно знала, что мой наблюдатель существовал. И я должна была – обязана была! – выяснить, кто этот невидимый друг. Человек или зверь? Он или она? Кто скрашивал мое одиночество своим незримым присутствием все эти сезоны?

Но прежде всего мне следовало встать на ноги. А это обещало быть проблемой. Выздоровление шло слишком медленно. Когда уже смогла самостоятельно передвигаться, я посетила отхожее место и увидела то, что заставляло мою мать рыдать, каждый раз убирая из-под меня горшок. Я мочилась кровавой жижой. Поэтому лихорадка не спадала. Ноги предательски затряслись, и меня бросило в холодный пот от увиденного. Мне конец. Все знали, что случается с теми, кто мочится кровью. Это путь в одну сторону.

Я выбралась из нужника и застыла, наслаждаясь тем, как легкий ветерок обдувает липкий пот страха с кожи. На улице было прохладно, но по-весеннему. Даже тучи разошлись, являя моему взору полоску чистой синевы. Нечасто такое увидишь в Мидгарде. Ясное пронзительно-голубое небо. Я зажмурилась от удовольствия, пытаюсь смириться со скорой кончиной.

О милосердная Фригг, какой смысл был спасать меня от падения, если я умру от глупой болезни! Позор, да и только. Смерть от хвори. На секунду я задумалась о том, чтобы броситься в море. Так хотя бы родные смогут придумать какую-то славную сказочку о моей доблестной гибели. Но я была уверена, мать уже разнесла по всему драккару о том, что я при смерти. Она поила меня всеми травами, какие я только помнила. И у нас в теплицах росла лишь малая часть. Остальное она взяла у соседей. Значит, все уже в курсе, что дочь Ивара Длиннобородого – слабачка, которая вот-вот отправится в плавание к радужному мосту.

Я так и стояла с закрытыми глазами, подставляя лицо скупым солнечным лучам, а поэтому не увидела, а почувствовала, как мне в плечо легко ударило что-то и, отскочив, упало на землю. Вздвогнув и приоткрыв веки, я уставилась нечетким от болезни взглядом под ноги. Маленький шерстяной кулек, перевязанный пенькой, лежал у моих ног. Нахмурившись, я попыталась нагнуться и поднять его. Это было непросто, я кряхтела, словно старуха, пытаюсь наклониться.

Да, я знала, что нельзя подбирать незнакомые предметы. Родители всегда говорили нечто подобное. Но, великий Тор, я умирала. А еще стояла у нужника. Кому тут понадобится причинить мне бóльший вред, чем уже причинила сама жизнь?

Наконец мешочек у меня в руках. Пальцы дрожали от слабости, пока я развязывала веревку. Внутри была стеклянная колба с белым порошком. Он был похож на мел, которым пользовались портнихи. Мел стоил очень дорого, и я не представляю, чтобы кому-то пришло в голову вот так неаккуратно его раскрошить. И зачем было ссыпать остатки в колбу? Все равно теперь этот порошок бесполезен. Ему не вернешь прежнюю форму твердого кусочка, пишущего почти по любой поверхности. Я потрясла мешочек еще раз, и мне на ладонь выпала свернутая трубочкой бумага. Мои глаза удивленно расширились, я буквально их выпучила, несмотря на дурное самочувствие. Бумага была еще дороже мела. Кто кидается бумагой?! Мы были самой богатой семьей на драккаре, но не могли себе позволить использовать бумагу часто.

Я любила прикасаться к бумаге отцовых счетных книг и редких летописей в нашем доме. Все остальные книги хранились в большой библиотеке драккара и выдавались строго под запись. А тут мой собственный клочок бумаги!

Осторожно развернув его, я уставилась на криво накарябанные руны. Если бы могла, то посмеялась бы. Руны были пережитком. Милосердная Фригг, кому в голову пришло писать записки рунами, потратив при этом дорогую бумагу и использовав для утяжеления колбу с дорогущим мелом? Конечно, я могла читать руны, но таким умением могли похвастаться не все. С большим трудом я разобрала каракули. Была пара ошибок. Записка гласила:

Раздели на семь частей. Ешь каждое утро с водой. Никому не говори!

Я еще раз посмотрела на колбу с мелом. Его можно есть? Это как-то поможет мне? Пожав плечами, я спрятала мел в карман рубахи и еще раз огляделась по сторонам. Жар начал спадать, и я почувствовала, как мерзну на ветру. Тем более солнце снова скрылось за тучами. Так никого и не увидев рядом, я поковыляла обратно к дому. Благо идти было совсем недалеко.

Следующим утром я съела мел. А потом и на второе утро. На третий день лихорадка прошла, а еще через два дня исчезла кровь из мочи. Лекарь драккара сказал, что это благодать богов. Но я-то знала, что все дело – в волшебном меле, который упал на меня практически с неба. Только вот с неба обычно ничего не падает.

Я закопала колбу и записку за домом. А едва окрепнув, начала собираться за мареной под слезы матери и неодобрительное ворчание отца.

– Хельга, – пытался урезонить меня непривычно смягчившийся ярл. – Ты только-только отошла от страшной хвори. Не испытывай богов.

– Я дочь ярла! – эта хитрость должна сработать. – Мне не пристало показывать слабость. И так едва не отправилась в вечное плавание. Все подумают, что я слаба и не смогу возглавить клан, если ты будешь давать мне поблажки сейчас!

– Но... – попробовала возразить мама.

– Хочешь, чтобы началась междоусобица и мы ослабли, дав шанс врагам захватить власть на драккаре? – воскликнула я, глядя на мать.

Родители замолчали и посмотрели на меня так, словно у меня выросло две головы.

– Нужно думать об общем благе, а не холить и лелеять мою слабость, – отрезала я, подпоясываясь.

В глазах отца заиграла гордость. Но правда в том, что думала я лишь о себе. Мне не терпелось отправиться на кнорр, чтобы найти своего тайного спасителя и друга. Я знала, что он будет ждать меня там.

4

866 год эпохи Каменных драккаров

Несмотря на слабость после болезни, до кнорра я добралась быстро. Вид отвесной скалы, тянущейся ввысь, и груды камней у ее основания, что отвалилась при моем падении, вызвал во мне приступ страха. Меня бросило в жар, а потом передернуло от холода. Но я старалась убедить себя, что победить страх возможно, только шагнув ему навстречу.

«Давай, Хельга, – шептала я сама себе. – Не будь трусихой!»

Я было подоткнула юбки за пояс – тут никто не мог видеть, что я в штанах, – но потом снова решила снять их, на что бы никогда не решилась на драккаре. Они только мешали, глупые девчачьи тряпки. Скала была сухой, ничто не напоминало о мокром скользком камне той злополучной ночи, но я все равно взбиралась вверх с излишней осторожностью. Совсем недавно я считала, что могу проделать путь до поляны с закрытыми глазами, но те времена прошли. Я снова превратилась в неопытную девчонку, которая одеревеневшими от страха пальцами цеплялась за каждый выступ и по десятку раз проверяла устойчивость. Мне казалось, что восхождение заняло половину дня. Но, преодолев на трясущихся ногах последний участок, я поняла: солнце практически не сдвинулось по небу. Если бы не цель, которая вела меня, я могла бы и струсить. Осознание этого неприятно отозвалось в груди. Неужели вот она – моя суть? Одного падения хватило, чтобы начать бояться высоты? Ни за что!

Усилием воли я подтолкнула тело вперед и приблизилась к самому краю обрыва. Поза была и то, зачем спешила на кнорр, и что обещала матери быть осторожной. Мысли о собственной трусости были невыносимыми. Хотелось доказать самой себе, что не боюсь. Остановилась я лишь тогда, когда носы кожаных сапог повисли над пропастью, и взглянула вниз. Чтобы не отшатнуться, понадобилась вся выдержка, спина покрылась холодным потом.

Как?.. Как мне вообще удалось выжить, упав с такой высоты? Кем бы ни был мой таинственный наблюдатель, он не всемогущ. Или же всемогущ? Из-под правого сапога полетели мелкие камни, исчезая внизу, и, не в силах больше противиться страху, я отскочила назад, в безопасность, одним большим прыжком. Сердце колотилось в горле, шум крови в ушах оглушал. Чуть успокоившись, я ощутила горькое разочарование. Все же я оказалась большей трусихой, чем ждала от себя.

Понуриив голову, я побрела в сторону поляны, вспомнив наконец, для чего вообще вызвалась поскорее отправиться за мареной. Мой таинственный спаситель. Тайный наблюдатель. Я была уверена, он ждет меня. Но, подойдя к зарослям кустарника, поняла, что, кроме меня, здесь нет никого. Ощущение взгляда пропало. Я была совершенно одна.

– Эй! – крикнула я, и голос прокатился по безмолвному кнорру. Даже птицы стихли. – Выходи, я хочу поговорить!

Повисло несколько мгновений тишины, а потом вновь зашептались кроны далеких деревьев, запели птицы и даже море зашелестело волнами. Но больше... ничего. Никто не отозвался, а ощущение одиночества никуда не делось. Я была в шаге от отчаяния. Неужели наблюдатель, мой безымянный друг, спас меня, а после покинул?

«Спокойно, Хельга, – сказала я себе. – Ты, знаешь ли, тоже не каждый день здесь бываешь».

И то правда! Эта мысль захватила меня, поэтому я решила, что приду завтра. И послезавтра. Каждый день – пока не подкараулю своего невидимого друга. Такой план принес облегчение, а потому собирать марену я принялась с большим энтузиазмом.

Убедить родных, что необходимы ежедневные вылазки на кнорр, не составило труда. Я сказала, что не могу после болезни носить большие рюкзаки, а потому буду ходить часто и приносить меньшие порции. И мне нужно вернуться в былую физическую форму, которую

потеряла за время хвори. Звучало логично, и отец поддержал меня в этом стремлении. А мама если и переживала с самого начала, то к концу недели признала, что длительные прогулки на свежем воздухе делают свое дело. Я крепла на глазах.

В остальном радоваться было особо нечему. Прошла неделя, потом другая, но на кнорре так никто и не появился. Сначала я расстраивалась, потом злилась, затем впала в ярость, а дальше и вовсе в уныние. Может быть, болезнь повлияла на меня и я перестала чувствовать присутствие наблюдателя? Почему он не отзывается на мои крики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.